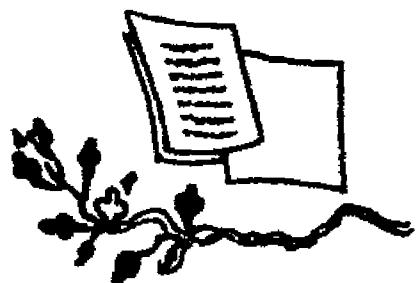

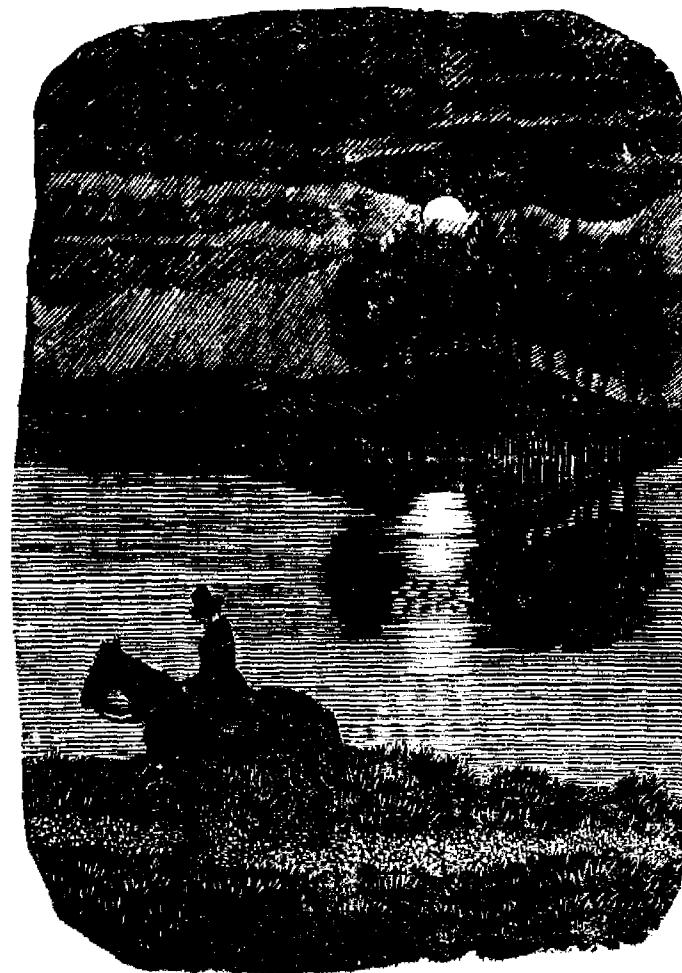
В.Ф. ШИРОКИЙ

**ПУШКИН
в
МИХАЙЛОВСКОМ**

**ЛЕНИНГРАД
1937.**

**Ответств. редактор И. М. Котляр.
Литературн. ред. Е. И. Ламский.
Грав. и обл. М. Н. Орловой-Мочаловой.
Технич. ред. В. М. Катков.**

УСАДЬБА
ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Здесь барство дикое без чувства,
без закона, ~~Ч~~
Присвоило себе насилиственной
ловой
И труд, и собственность, и время
земледельца.

(«Деревня» 1819 г.)

о окончании лицея Пушкин был определен на службу в Коллегию иностранных дел. 13 июня 1817 г. был издан об этом указ, а 3 июля Пушкиным уже было подано прошение об отпуске по 15 сентября в Псковскую губернию для приведения в порядок домашних дел. 8 июля граф Нессельроде подписал паспорт на отпуск.

В эту поездку Пушкин впервые познакомился с Михайловским, с которым у него впоследствии было

связано много дорогих воспоминаний. В Михайловском Пушкин непосредственно узнал деревню и получил возможность наблюдать ее быт и нравы. Правда, еще в детстве поэт бывал в подмосковном имении своей бабушки — Захарове. Но шестилетнее безвыездное пребывание в лицее совершенно вытеснило у него ранние детские воспоминания. Начало настоящего знакомства поэта с деревней и усадебным бытом относится к 1817 г. Чтобы ясно представить себе впечатления, полученные поэтом в Михайловском — одном из родовых гнезд семьи Ганнибалов, прочно осевших тогда в псковских захолустьях, нужно знать, чем была вообще для помещика усадьба в начале двадцатых годов прошлого столетия.

В двадцатых годах прошлого столетия дворянская усадьба переживала кризис. Все более возрастала роль промышленного капитала в хозяйственной жизни России. Владеть крепостным помещичьим хо-

зяйством становилось менее выгодным, чем владеть благоустроенным промышленным предприятием с наемной рабочей силой. Золотой век дворянских усадеб — Нескучных, Заветных, Отрадных — был на исходе. Усадебная культура, расцвет которой относится к XVIII веку, постепенно стала приходить в упадок. Хоть и неясно, но уже вырисовывались очертания каких-то иных общественных отношений, иной культуры. Припомните великолепную и красочную картину барской жизни, мастерски данную Державиным в стихотворении «Жизнь Эванской». В 20-х годах уже никто бы не описал помещичьей жизни в таких тонах.

В эти годы поместное дворянство хотя еще и дышало полной грудью, и казалось, уверенно смотрело из своих дедовских вотчин «с соловьями и медведями» на будущее, но уже томилось предчувствием неизбежности конца своего беспечального существования.

Еще дотягивали свой век пышные вельможи вроде великолепного, воспетого Пушкиным Юсупова; еще наслаждались воспоминаниями бывшего последне магикане вроде Болотова, на глазах которых крепло и цвело дворянское благополучие. Но на их глазах уже подымалось новое поколение, отдельным представителям которого довелось слышать раскаты революционной грозы 1905 года.

В дворянском быту XVIII и начала XIX столетия усадьба являлась «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья», при чем, конечно, дворянские «труды» понимались в особом смысле. Писание слезливых и чувствительных пасторалей под доносившийся с конюшни свист розог, которыми наказывали «нерадивых» холопов, тоже было трудом, но, конечно, исключительно дворянским.

Когда помещики говорили об усадьбе, то имели в виду не угодья и поля, на которых с утра до глу-

бокой ночи гнули спину крепостные, а нечто иное. Усадьба—это, прежде всего, поместительные и уютные дома с девичими и лакейскими, до отказу набитыми дворней; лиловые и бересковые аллеи; сонные пруды с островками любви и уединенными беседками; цветники, оранжереи, павильоны. В доме, в зависимости от степени культурности хозяев и их достатка — библиотека, домашний театр, оркестр.

И уж конечно в усадьбе была конюшня с выездными лошадьми, каретный сарай. Что на конюшню отправляли для наказаний провинившихся холопов, это отходило на задний план, как неизбежная деталь красивой жизни, очень мало нарушавшая в барском сознании высокий строй этой жизни.

У каждой медали есть оборотная сторона. Была она и в усадебной помещичьей «идиллии». Крепостные «Амуры и Зефиры» услуждали барский досуг, но это не значило, что при надобности их нельзя было про-

дать в одиночку. Крепостная актриса своей игрой могла приводить «благородных зрителей» в восторг, но это не избавляло ее от необходимости по окончании спектакля отправиться к барину.

А. Н. Вульф учился в Дерптском университете, следил за современной литературой, был знаком со многими выдающимися людьми своего времени, а сев домовитым помещиком в «доме отцов своих» он завел крепостной гарем.

Такова была обратная сторона усадебной жизни, ее неприглядные задворки, откуда отнюдь не рекомендовалось выносить сор. Шум поднимался лишь в таких исключительных случаях, как расправа с господами крепостных, доведенных до отчаяния, вроде убийства фельдмаршала Каменского. Тогда чувствительные поэты воспевали добродетели невинной жертвы и клеймили, как Жуковский, «топор разбойника презренный».

В обычное время помещичья жизнь беспечально протекала в мирных условиях усадебной идиллии, в кругу родовых воспоминаний. Отношение помещика к его усадьбе с большим мастерством передано П. А. Вяземским.

Былого след везде глубоко впечатлен
И на полях твоих, и на твердых стенах
Хранившего меня родительского дома.
Здесь и природа мне так памятна знакома;
Здесь с каждым деревом сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю — все было, все жизнь
моя...

(Остафьево).

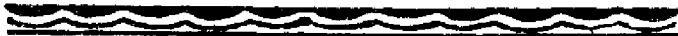
Теплый уют; интимные родовые воспоминания; уверенность в завтрашнем дне; возможность жить так, как хочется; спокойствие и безмятежность — вот основные черты той помещичьей жизни, которая внешне мирно протекала в усадьбе пушкинского времени.

В такой обстановке легко создавались настроения, о которых писал П. А. Вяземский:

Все, что я пережна, все, чем еще живу,—
Все чудится мне здесь во сне и наяву.

МИХАЙЛОВСКОЕ

Приветствуя тебя, пустынный
уголок,
Приют спокойствия, трудов
и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый
поток
На лоне счастья и забвенья!
(„Деревня“ 1819 г.)

M

ихайловское входило в состав
так называемой «Михайлов-
ской губы». В начале XVIII
века оно принадлежало дочери царя
Ивана Алексеевича (брата Петра Первого),
царевне Екатерине Иоанновне.
12 января 1744 г., по указу императрицы Елизаветы Петровны, Михайловская губа была пожалована ревельскому обер-коменданту Абраму Петровичу Ганнибалу, праотцу А. С. Пушкина. После смерти А. П. Ганнибала Михайловская губа перешла к его

сыновьям. Имене^е Петровское доста-
лось Петру Абрамовичу, а Михай-
ловское — Осипу Абрамовичу.

Трудно сказать, что именно было сделано Абрамом Петровичем для благоустройства его имений. В Суйде, где он жил постоянно, до наших дней сохранились насаженные им великолепные аллеи. Воспитывавшийся во Франции, свой человек при дворе Петра I, Абрам Петрович не мог отстать от своего века в увлечении садами и парками. Возможно, что им было развернуто парковое строительство не только в Суйде, но и в отдаленных псковских поместьях. Вероятно кой-какие сады («огороды») достались ему в этих усадьбах от предшествовавших владельцев. Например, знаменитая еловая аллея Михайловского несомненно насчитывает около 200 лет. Но все же планировку парков надо отнести именно к тому времени, когда Михайловской губой владел Абрам Петрович.

В Михайловском парке нет строго геометрической разбивки. Воз-

можно, что этому маленькому именю не было уделено такого внимания, как Петровскому, и при планировке парка в него было включено то, что осталось от прежнего сада. Повидимому осью парка являлась еловая аллея, выводившая на большой зеленый круглый ковер с домом над обрывом на р. Сороть. По бокам дома были симметрично расположены два флигеля. Один из них, так называемый «домик няни», уцелел до наших дней. По обеим сторонам еловой аллеи были пруды. Основная площадь парка (8 га), раскинувшаяся по сторонам еловой аллеи, в настоящее время густо заросла лесом, насчитывающим не более 70 лет. Среди деревьев кое-где встречаются 150-летние сосны. Эти сосны да торчащие из моха старые пни и дают возможность обнаружить среди заглохшего парка целую систему старых березовых аллей, связанных между собой общим центром. В парке были пруды, которые в настоящее время восстанавливают-

ся. На одном из них находится искусственный остров, засаженный сохранившимися до сих пор старыми соснами.

Лучшим украшением михайловского парка и одним из наиболее ценных памятников пушкинского времени является расположенная слева от еловой аллеи, при самом выходе из Михайловского, липовая аллея. Для восстановления картины Михайловского пушкинских времен она дает гораздо больше, чем пруды, которые может быть уже и не существовали в начале XIX столетия.

Стариной веет и от древних лип и берез, растущих в разных местах по окраинам усадьбы.

Доставшись по наследству Осипу Абрамовичу Ганибалу, Михайловское превратилось в типичное дворянское уездное захолустье. Чуждый широких барских замашек, несдержаный, жестокий и пылкий — он доживал свой беспутный век в этом именище над Соротью, на опушке соснового бора и умер от последст-

вий невоздержанной жизни 12 октября 1806 г. Михайловское перешло к его вдове Марии Алексеевне, а после ее смерти 27 июня 1818 г. — к Надежде Осиповне Пушкиной, матери поэта.

Впоследствии Пушкин так вспоминал о своем первом знакомстве с Михайловским: «Вышел из Лицея, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу». ¹

Невольно приходит на память:

Два дня ему казались новы
Уединенные поля.
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон...

(Евгений Онегин, гл. 1).

¹ Пушкин, изд. Брокгауз и Эфрон, т. V, стр. 415.

Деревенские впечатления помещика всегда соединялись с родовыми воспоминаниями, связанными с усадьбой. Это испытал на себе и Пушкин. Для него Михайловское было не просто «пустынный уголок». Поэтому даже в обращении к домовому поэт молит его:

Останься, тайный страж, в наследственной
сени,
Постигни робостью полуночного вора,
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани...

(К домовому, 1819).

Граница Михайловского для Пушкина — граница владений дедовских. Даже деревенское кладбище вызывает в нем родовое чувство.

... Но как же любо мне
Осеннюю порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.

(Когда за городом, 1836).

Сама усадьба вызывала еще более определенные родовые воспоминания.

Впоследствии, обращаясь к Языкову, Пушкин писал:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елизаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны лета
О дальней Африке своей,
Я жду тебя...

(К Языкову, 1824).

Пребывание в усадьбе, в глухом затерявшемся на опушке бора Михайловском, несомненно должно было вызвать у Пушкина настроения, весьма характерные для помещика-дворянина с сильно развитым родовым чувством и интересом не только к прошлому своего рода, но и вообще к истории.

Вторично побывать в Михайловском поэту удалось только через два года.

Свое письмо к А. И. Тургеневу от 9 июля 1819 г. Пушкин кончает

шутливой просьбой: «препоручаю себя вашим молитвам и прошу камергера Дон Базиль забыть меня по крайней мере на три месяца».¹

Пушкин предполагал на этот срок выехать в Михайловское, но пробыл там лишь до середины августа. А. И. Тургенев писал князю П. А. Вяземскому, рассказывая о своей поездке в Царское Село: «явился обритый Пушкин из деревни — и с шестою песнью («Руслан и Людмила»). Здесь я его еще не видел, а там он, как бес мелькнул, хотел возвратиться за мною и исчез в темноте ночи, как привидение».²

От этой поездки Пушкина в Михайловское до нас дошел черновик письма поэта к Н. И. Кривцову, в котором Пушкин спрашивает приятеля, помнит ли он, житель свободной Англии, что есть на свете Псковская губерния.³

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, 1926, т. 1, стр. 8.

² Остафьевский архив, т. I, стр. 293.

³ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 8.

Поэтическое отражение впечатлений, полученных Пушкиным во время выездов в Михайловское, мы находим в стихотворении «Деревня». Оно переносит нас в окрестности Михайловского.

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

Далее в стихотворении, впоследствии широко использованном декабристами с агитационной целью, даны яркие картины крепостной деревни —

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильтвенной левой
И труд, и собственность, и время
земледельца.

Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по бровзам
Неумолимого владельца.

Написанное в обстановке либеральных разговоров и разных проектов отмены крепостного права, стихотворение оканчивается вопросом:

Увижу ль, о друзья, народ не угнетенный
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Койдет ли наконец прекрасная заря.

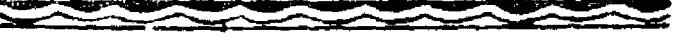
В другом стихотворении этого же периода, навеянном Михайловским, мы находим зарисовки картин «поместья мирного» —

Мой малый сад и берег сонных вод
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором...

Липам и кленам Михайловского, зеленому скату холмов и лугам, измятым «бродящей ленью» поэта, суждено было вновь дать ему приют при совершенно других условиях.

ПЕТРОВСКОЕ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой!

(„Руслан и Людмила“)

Б

лижайшее и непосредственное знакомство Пушкина с бытом уездных помещиков, прочно осевших в глухи наследственных гнезд произошло летом 1817 г. Соседями поэта по Михайловскому были Шелгуновы, Креницины, Ганибалаы, Философовы, Рокотовы.

Дома у себя каждый из них жил по старине:

Пил, ел, скучал, толстел, хирел...
У большинства этих старосветских помещиков были свои странности ь

причуды, свои «фантазии». Рокотов, например, засыпая, приказывал своему лакею будить его через каждые два часа: «уж очень приятно оять заснуть».¹

Сон и тишина насыженных дворянских гнезд псковской глухи скрывали не мало трагедий.

У богатых Кренициных был в поместьи крепостной оркестр. Капельмейстером в нем был крепостной.

Как-то весною Креницины возвратились в свое поместье из столицы. Оставшаяся на зиму в деревне девица Философова бросилась в ноги своей старшей сестре помещице Кренициной, и покаялась, что тайком обвенчалась с крепостным капельмейстером. Получился огромный скандал. На семейном совете было решено отдать дерзкого холопа в солдаты, а виновницу дворянского «бесчестья» отправить в монастырь.²

Так и сделали.

¹ Д. В. Философов, Старое и новое, стр. 130.

² Д. В. Философов, Старое и новое, стр. 132.

Вот с этим то дворянским захолустьем и столкнулся Пушкин в первый же свой приезд в Михайловское.

В числе навсегда запомнившихся впечатлений деревенской жизни была встреча поэта с Петром Абрамовичем Ганнибалом. Этот единственный оставшийся в живых сын «арата Петра Великого» доживал свой век в имении Петровском, на берегу широко раскинувшегося тихого озера. Петра Абрамовича не увлекали красоты природы. В своей деревенской глухи этот отставной генерал-майор жил другими интересами.

На уцелевшем клочке уничтоженных Пушкиным записок дошли до нас строки, относящиеся к посещению поэтом Петра Абрамовича.—

«Попросил водки. Подали водку. Налил рюмку себе, велел и мне ее поднести; я не поморщился и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арата. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда».

П. В. Анненков пишет.—

«Водка, которою старый арап потчевал тогда нашего поэта, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал от артиллерии, по свидетельству слуги его Михаила Ивановича Калашникова... занимался на покое перегоном водок и настоек и занимался без устали, со страстью. Молодой крепостной человек был его помощником в этом деле, но, кроме того, имел еще и другую должность: обученный через посредство какого-то немца искусству разыгрывать русские песенные и плясовые на гусях, он погружал вечером старого арапа в слезы или приводил в азарт своею музыкой, а днем помогал ему возводить настойки в известный градус крепости, причем раз они сожгли свою дестилляцию, вздумав делать в ней нововведения по проекту самого Петра Абрамовича. Слуга поплатился за чужой неудач-

ный опыт собственной спиной, да и вообще, — прибавлял почтенный старик Михаил Иванович, — когда бывали сердиты Ганнибалы, то людей у них выносили на простынях. Смысл этого крепостного термина достаточно понятен и без комментариев». ¹

Впоследствии «старый арап» передал поэту начатые им записки «о собственном рождении, происходящем в чинах и приключениях». Записки не доведены до конца. Умер Ганнибал в глубокой старости, впав от дряхлости в такую забывчивость, что не узнавал даже сына Вениамина Петровича.

Из письма Пушкина к П. А. Осиповой от 11 августа 1825 г. видно, что поэт поддерживал отношения с Петром Абрамовичем и во время своей ссылки в Михайловское.

«Я рассчитываю еще проведать старого негра — дедушку, который, как я предполагаю, на этих днях

¹ П. В. Анненков, А. С. Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 11.

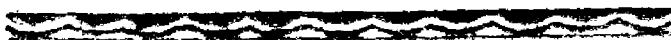
умрет, а между тем мне необходимо от него раздобыть записки, относящиеся до моего прадеда». ¹

Парк Петровской усадьбы, насаженный еще Абрамом Петровичем Ганнибалом, сохранился до наших дней. Его геометрически строгий план до сих пор сохранил характерные черты французского «регулярного» парка первой половины XVIII века.

ТРИГОРСКОЕ

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 151.

Приду под липовые своды,
На скат Тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

(„Простите, „верные
дубравы“ 1817 г.)

Летом 1817 г. поэт завязал дружеские отношения с семьей Прасковьи Александровны Вульф (по второму мужу Осиповой), жившей в Тригорском. Это имение, находящееся в двух километрах от Михайловского, расположено на территории старинного псковского пригорода Вороноча. Когда-то здесь был расположен довольно значительный и хорошо укрепленный торговый город, прикрывавший переправу через реку Сороть. В центре города, на холме, стояла крепость, имевшая 200 осадных kle-

тей. Посад насчитывал более 400 дворов. В нем имелось, помимо церквей, шесть монастырей. Попы и монахи владели расположенными вокруг города волостями или «губами». Так, церкви «Егорий святой» принадлежала Егорьевская губа, Михайловский монастырь владел Михайловской губой.

Вороноч находился на окраине Московского государства и потому очень страдал от польско-литовских нападений. Летом 1581 г. Стефан Баторий, идя осаждать Псков, взял приступом Вороноч. Крепость была разрушена, город сожжен и разграблен, население разбежалось. О степени разорения города можно судить по тому, что в Вороноче на посаде осталось всего семь жилых дворов, в которых ютилось девять человек. Войны XVII века между Москвой и Польшей жестоко опустошали край. Только после Андрусовского перемирия 1667 года прекратились военные тревоги. В 1719 г. Вороноч, с названием пригорода, был приписан к Опочке.

Когда именно земли Вороноча вошли в состав дворцового хозяйства, точно установить нельзя. Мы знаем, только, что 29 июля 1762 г. состоялся указ Екатерины II, касающийся части земель, когда-то принадлежащих Вороночу и причисленных к дворцовым волостям. Этот указ относился к Максиму Дмитриевичу Вындорому, главному приставу при бывшем императоре Иоанне Антоновиче.

Екатерина II уволила Вындорского в отставку, произведя его в генерал-майоры и пожаловав ему «в вечное и потомственное наследие владение из нашей дворцовой волости в Псковском уезде деревнями, прозвываемыми Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит 1085 душ». ¹

М. Д. Вындорский поселился в пожалованном ему поместьи и называл его Тригорским. После смерти

¹ Н. Н. Кошкин, Родословные разведки. СПБ, 1912, стр. 91.

М. Д. Вындовского имение перешло к его сыну, полковнику Александру Максимовичу. Выйдя в отставку, Александр Максимович поселился в Тригорском, читал, рисовал, даже писал стихи¹, занимался хозяйством. Им была основана в Тригорском полотняная фабрика.

После его смерти имение перешло к его дочери Прасковье Александровне, по первому мужу Вульф. Она почти безвыездно жила в Тригорском со своей большой семьей.

В 1817 г. П. А. Осипова была тридцатишестилетней вдовой, четыре года назад потерявшей мужа, от которого имела пятерых детей.

Прасковья Александровна по характеристике своей племянницы по мужу А. П. Керн «являлась всегда приятно и поэтически настроеною». ² Несдержанная (по рассказу

¹ „Беседующий гражданин“, 1789 г., т. II, стр. 22.

² А. П. Керн, Воспоминания, „Академия“, стр. 352.

А. П. Керн, она била дочь и «драла за уши до крови») и властная, она привыкла к независимой жизни: «муж нянчился с детьми, варил в шлафреке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала римскую историю». ¹

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь—
Все это мужа не спрашивай.

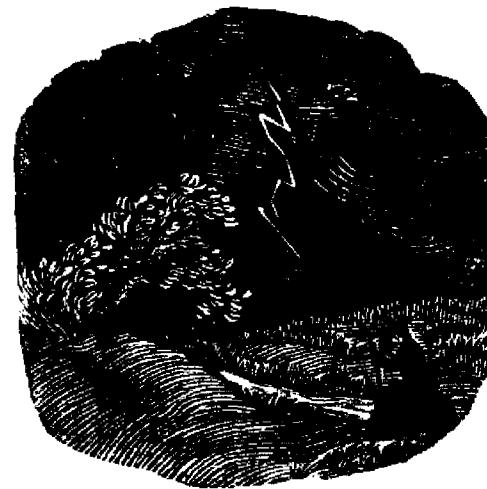
(Евгений Онегин, гл. II.).

Молодой поэт сделался частым посетителем Тригорского и своим человеком в семье Прасковьи Александровны. С этого времени Пушкина соединяет с соседкой по имению прочная дружба, которая не порывается в течение всей жизни поэта.

К 17 августа 1817 г. относится первое стихотворение Пушкина, навеянное Тригорским:

¹ А. П. Керн, Воспоминания, „Академия“, стр. 6.

Простите, первые дубравы
Прости, беспечный мир полеў,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней.
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречал: столько раз.
На толь узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас...

В ССЫЛКЕ

Слезы, муки,
Измены, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я?
Стою,
Как путник, молнией постигнутый
в пустыне,
И все передо мной затмилося...
(„Желание славы“ 1825 г.)

святого августа 1824 г.
Пушкин снова приехал в
Михайловское, но уже как
сырьльный.

24 июля граф Воронцов, находившийся тогда в Симферополе, предписал одесскому градоначальнику графу Гурьеву объявить Пушкину о высылке и немедленно отправить его в Псков, взяв подпись, что он поедет бояостановочно по назначенному маршруту через Николаев, Елизавет-

град, Кременчуг, Чернигов и Витебск, минуя Киев, а по приезде в Псков явится к губернатору. 29 июля Гурьев исполнил предписание Воронцова. 30 июля поэт выехал из Одессы в Псков.

Псковский губернатор Борис Антонович Адеркас уже имел распоряжение начальника края маркиза Паулуччи учредить надзор за Пушкиным по его приезде.

Распоряжение о высылке произвело тяжелое впечатление не только на самого поэта, но и на его близких. Пушкин намеревался бежать за границу, в чем ему помогала, жившая тогда в Одессе, княгиня Вера Федоровна Вяземская. Но попытка не удалась. Князь П. А. Вяземский писал по поводу ссылки Пушкина А. И. Тургеневу: «Письмо жены моей наполнено сетованиями о жребии несчастного Пушкина. Он от нее отправился в свою ссылку; она оплакивает его, как брата. Они до сей поры не знают причины его несчастья...

Кто творец этого бесчеловечного убийства. Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской... Да и постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси. Должно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина. В его лета, с его душою, которая также кипучая бездна огня... нельзя надеяться, чтобы одно занятие, одна деятельность мыслей удовлетворили бы его... Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку Пушкина, как на смертельный удар, что нанесли ему». ¹

Мы знаем, что высоко ценивший Пушкина и хорошо знавший его кн. П. А. Вяземский ошибся: Пушкин не только благополучно перенес ссылку, но использовал ее для усиленной творческой работы.

Конечно, переход от одесской жизни в михайловскую глушь был для

¹ Осташевский архив, т. II, стр. 73.

поэта очень тяжел. Впоследствии, вспоминая прошлое, Пушкин писал о своих одесских впечатлениях. —

Я жил тогда в Одессе пыльной...
 Там долго ясны небеса,
 Там хлопотливо торг обильный
 Свои подъемлет паруса;
 Там все Европой дышит, веет,
 Все блещет югом и пестреет
 Развообразностью живой.
 Язык Италии златой
 Звучит по улице веселой,
 Где ходят гордый славянин,
 Француз, испанец, армянин,
 И грек, и молдаван тяжелой,
 И сын Египетской земли
 Корсар в отставке—Морали.

(Путешествие Олегина).

Совершенно иная обстановка ждала поэта в Михайловском. Там он застал свое семейство в сборе, и это обстоятельство еще более осложнило его жизнь. В письме к Вере Федоровне Вяземской, написанном между 10 и 15 октября 1824 г., поэт рассказывает, что ему пришлось пережить по приезде в михайловскую ссылку. «Мое присутствие среди мо-

его семейства только удвоило мои горести, и без того достаточно существенные. Правительство имело гнусность предложить моему отцу быть орудием преследования... Отец мой имел слабость принять на себя роль, которая поставила его во всяком случае в ложное положение по отношению ко мне. От этого происходит то, что я провожу верхом и в полях все время, что я не в постели. Все, что напоминает море, наводит на меня грусть. Шум падающего ручья причиняет мне в буквальном смысле слова боль; думаю, что хорошее небо заставило бы меня плакать от ярости, но слава богу: небо у нас сивое, а луна — точная рака». ¹

Прекрасным выражением настроения, овладевшего поэтом по приезде в Михайловское, является стихотворение хотя и датированное 1823 годом, но несомненно написанное в псковской деревне. В нем мы нахо-

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 92 и 351.

дим картину северной природы, сопоставляемую с картинами юга:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеялою свинцовой;
Как привлечение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...

«Мрачная тоска» поэта конечно усиливалась ссорой с отцом.

Для ясного понимания отношений, которые сложились между Сергеем Львовичем и поэтом осенью 1824 г., надо вспомнить следующее. Псковский губернатор Б. А. Адеркас предложил соседу Пушкиных по Михайловскому Ивану Матвеевичу Рокотову взять на себя надзор за поведением поэта. Однако Рокотов, ссылаясь на свое расстроенное здоровье, отказался от такой роли. Возможно, что он сделал это потому, что считал подобные обязанности недостойным для себя делом, а мо-

жет быть просто опасался столкновений с поэтом.

После отказа Рокотова, отец поэта С. Л. Пушкин получил предложение губернатора принять на себя надзор за сыном. Сергей Львович согласился. Каковы были возложенные на него обязанности, видно из рапорта Адеркас начальнику края маркизу Паулуччи. В этом документе указывается, что «по сношении с г. статским советником Сергеем Пушкиным, известным в губернии как по его добронравию, так и по честности, и который с крайним огорчением о учиненном преступлении сыном его отозвался неизвестностью, поручен в полное его смотрение с тем заверением, что он будет иметь бдительное смотрение и попечение за сыном своим». 1

«Отец, — пишет поэт в своем письме В. А. Жуковскому от 3 октября 1824 г., — испуганный моей ссылкой,

¹ „Русская Старина“, 1908, № 10, стр. 113.

беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь»...¹

Напряженное положение должно было найти выход.

После одного объяснения Сергей Львович, как пишет об этом Пушкин, «пользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить... Но чего же он хочет от меня с уголовным своим обвинением? Рудников сибирских и лишения чести? Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырем».²

Это письмо достаточно ярко обрисовывает обстановку жизни поэта в своей семье. К этому же времени относится письмо Пушкина псковскому губернатору Адеркасу. В нем поэт просит, для спокойствия отца и своего собственного, перевести его в одну из крепостей. Письмо это по назначению не дошло.

¹ Пушкин, Письма. Госизда т., т. 1, стр. 94.

² Там же.

После ссоры с отцом Пушкин большей частью жил в Тригорском, редко бывая в Михайловском. Сергей Львович, поняв, наконец, ложность своего положения отказался от надзора за сыном. Понемногу из Михайловского выехала вся семья: в начале ноября выехал Лев Сергеевич, потом Ольга Сергеевна, а числа 18—19 выехал и Сергей Львович. Пушкин остался один со своей старой няней.

В Михайловском, в обстановке вынужденного одиночества, Пушкин занялся изучением русского народного творчества и в то же время усиленно работал над подражаниями корану. Этот одновременный интерес к русским народным сказкам и к религиозным преданиям ислама явился результатом стремления поэта овладеть поэтическим богатством всех времен и народов. Пушкин был первым русским поэтом, откликнувшимся в своих произведениях на поэтическое творчество различных национальностей, входивших в состав Российской империи. Достаточ-

но указать на песни: черкесскую «В реке бежит гремучий вал», татарскую «Дарует небо человеку», молдаванские «Старый муж, грозный муж» и «Черная шаль».

Результатом этих трудов явились написанные Пушкиным подражания корану, посвященные П. А. Осиповой.

Помимо литературной работы, поэт усиленно занялся чтением. Мы знаем, что книги всегда были его верными друзьями и постоянными спутниками в течение всей его жизни. В переписке Пушкина неоднократно находим просьбы и требования о высылке книг.

«Брат, — читаем мы в письме к Л. С. Пушкину от первой половины ноября 1824 г., — ты мне пришлешь немецкую критику Кавказского пленика да книг, ради бога, книг». К нему же в феврале 1825 г. обращена просьба, в которой звучит истинная страсть библиофила: «Милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси записки Фу-

ше. и давай мне их сюда, за них отдал бы я всего Шекспира, ты не воображаешь, что такое Фуше. Он по мне очаровательнее Байрона».¹

Библиотека Пушкина в Михайловском, по свидетельству П. В. Анненкова, росла по часам: «каждую почту присыпали ему книги из Петербурга. Надо заметить, что Пушкин читал почти всегда с пером в руках; страницы русских альманахов и разных других брошюр были покрыты его заметками, теперь, к сожалению, не сохранившимися. Более важным созданиям посвящал он извлечения и заметки на особых листах; таким образом прочел он в деревне всего Шекспира и римскую историю Тацита».² Кроме книг из своего собрания Пушкин, находясь в Михайловском, пользовался библиотекой села Тригорского.

Позднее А. Н. Вульф записал в своем дневнике подробности своего

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 96.
Там же, стр. 117.

посещения Пушкина в Михайловском. «Вчера обедал я у Пушкина... В молдавской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, на коем были разбросаны все принадлежности поклонника моды; дружно также на нем лежали Montesquieu с *Bibliotheque de campagne* и журналом Петра I, виден был также Alfieri, ежемесячники Карамзина и изъяснение снов, скрывшееся в полдюжине альманахов».

Из переписки Пушкина мы знаем, что книги его библиотеки по мере надобности постепенно перевозились из усадьбы в Петербург. Так, 30 января 1827 г. Арина Родионовна писала поэту из Михайловского: «Мы, батюшка, от вас ожидали письма, когда вы прикажете перевозить книги, но не могли дождаться, то и вознамерились по вашему старому приказу отправить; то я и посылаю больших и малых книг счетом 124 книги».¹

¹ Переписка Пушкина, под ред. и с прим. В. И. Ситова, т. II, стр. 5.

Окончательно переехав после женитьбы в Петербург, Пушкин решил перевезти из Михайловского всю библиотеку, поручив наблюдение за этим П. А. Осиповой. В январе 1832 г. поэт писал ей по этому поводу: «примите мою искреннюю благодарность за те заботы, которые вам угодно было оказать моим книгам... Умоляю оказать мне последнюю милость—приказать спросить у моих людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, присланного в деревню с ящиками, содержащими мои книги.... Он должен содержать... несколько книг, которых я не могу отыскать».¹

П. А. Осипова ответила Пушкину 25 января, что продолжает поиски этого ящика. При отсылке вся библиотека была упакована в 24 ящика и перевезена на 12 подводах в петербургскую квартиру поэта.

¹ Пушкин, Письма. „Академия“, т. III, стр. 5 и 460.

После отъезда семьи Пушкин остался в Михайловском с няней Ариной Родионовной. «Знаешь ли мои занятия, — писал он в ноябре 1824 г. брату, — до обеда пишу записки, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки своего проклятого воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма».¹

Легко представить обстановку этих вечеров в Михайловском. — Ропот соснового бора. Шум ветра. За оконным стеклом в густеющем свинцовом сумраке крутятся хлопья первого снега. На жарко натопленной лежанке мурлычет кот. Темно горит оплывающая свеча. Под жужжанье веретена льется неторопливый рассказ няни. А за стеной под скатом холма тихо плещет еще не замерзнувшая Сороть.

Настроением таких вечеров навеяно стихотворение «Зимний вечер»:

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 97.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна.
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжанье
Своего веретена.

Арина Родионовна была крепостной Ганнибалов. Родилась она в селе Кобрино, около Сузды. У бабушки поэта (матери Надежды Осиповны) Арина Родионовна вынянчила всех детей Пушкиных и была в этой семье своим человеком. Получив в 1799 г. вместе с своими двумя сыновьями и двумя дочерьми «вольную», она не воспользовалась ею и осталась у Пушкиных. Умерла Арина Родионовна в глубокой старости в 1829 г. у Ольги Сергеевны Павлищевой.

Арина Родионовна была одним из действующих лиц того события, с которого, по шутливому замечанию Пушкина, начались его сношения с царским двором. Гуляя однажды с маленьkim Сашей, Арина Родионов-

на встретилась с императором Павлом I. Растревшись, она не успела снять с ребенка шапочки. Царь подошел к няне, разбранил ее за нерасторопность и сам снял с будущего поэта головной убор.

П. В. Анненков дает Арине Родионовне очень теплую характеристику, основанную на рассказах лиц, хорошо помнивших старушку. «Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью, — оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил ее родственною, неизменною любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам... Весь сказочный русский мир ей был известен, как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней с языка. Большую часть народных былин и песен, которых Пушкин так много знал, слышал он от Арины Родионовны... В числе писем к Пушкину почти от всех

знаменитостей русского общества находятся и записки от старой няни, которые он берег наравне с первыми». ¹

Письма Арины Родионовны к поэту говорят о ее искренней любви к нему. «Вы у меня безпрестанно в сердце и на уме и только когда засну, забуду вас и ваши милости комне... Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться».²

Поэт отвечал старушке самой крепкой привязанностью и любовью. Этим чувством проникнуто стихотворение:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня...

В письме к брату Пушкин сообщал: «Розу Григор. я принужден был выгнать за непристойное поведение

¹ П. В. Анненков, А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. 1873, стр. 3.

² Пушкин. Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. II, стр. 11.

и слова, которых не должен я был вынести... А то б она уморила няню, которая начала от нее худеть». ¹
Нежной грустью звучат строки письма, написанного Пушкиным 25 сентября 1835 г.: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей». ²

Живя в имении, Арина Родионовна была в нем полной хозяйкой. «Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю», — пишет она поэту 6 марта 1827 г.

О роли Арины Родионовны в доме поэта говорит Н. М. Языков в «Послании к няне»:

Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Превреч людем, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены...

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 119.
² Пушкин, Письма, под ред. и с прим. В. И. Саптова, т. III, стр. 232.

В этом же стихотворении дана красочная картина «няниного» хозяйства.

Как сладостно твое святое хлебосольство
Наш баловало вкус и жажды своеольство;
С каким радушием,—красою древних лет—
Ты набирала нам затейливый обед.
Сама и водку нам, и брашно подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола.
Ты занимала нас добра и весела,
Про стародавних бар пленительный рассказом,

Мы удивлялися почтенным их вроцам,
Мы верили тебе—и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно.

Во время михайловской ссылки Пушкина няня скрасила его одиночество и в ней поэт всегда чувствовал близкого и преданного человека.

Жизнь в усадьбе шла монотонно и однообразно. «Я один одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да пес-

ни», — писал Пушкин П. А. Вяземскому 25 января 1825 г.¹

Усадьбу всю занесло снегом. Стояли морозы. Дом из экономии отапливался не весь. Даже зал с бильярдом стоял холодный. Небольшая комната поэта была возле крыльца. Из окна открывался вид на двор, на запорошенные снегом кусты и ворота, выводящие в еловую аллею. Комната была обставлена очень просто. Старинная кровать с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами. Везде валялись листы исписанной бумаги и кусочки перьев. Из комнаты выход в коридор. Напротив помещалась Арина Родионовна. У нее собирались дворовые девушки вышивать на пяльцах.

Ярким эпизодом в деревенской жизни поэта был приезд к нему И. И. Пущина. Сосед Пушкина по лицейской комнате, «товарищ милый, друг прямой», И. И. Пущин принад-

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 113.

лежал к наиболее тесному кругу друзей поэта. Ему Пушкин писал при окончании лицея:

. с первыми друзьями
Не реввою мечтой союя твой заключен:
Пред грозным временем, пред грозными
судьбами,
О милый, вечен он.

(В альбом Пущину).

«С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его», — читаем в записках И. И. Пущина.¹ С этой целью И. И. Пущин воспользовался своей поездкой к сестре в Псков. Утром 11 января 1825 г. Пущин приближался к Михайловскому.

«Спускаясь с горы, недалеко от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились, что ямщик

¹ И. И. Пущин, Записки о Пушкине. Гослитиздат, 1934, стр. 82.

слетел... Кони несутся среди сугробов... снег им по брюхо... Вдруг крутой поворот и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора... Вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками... Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату... Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надо было прикрыть наготу, я не думал об заинdevевшей шубе и шапке»...¹

В это свидание Пушкин показался другу серьезнее прежнего. Наружно он мало переменился: оброс только бакенбардами. В разговоре Пущин сказал другу, что состоит в Тайном обществе. После обеда, за чашкой кофе, Пушкин читал вслух «Горе от ума». Во время чтения в комнату

¹ И. И. Пущин, Записки о Пушкине. Гослитиздат, 1934, стр. 83.

вшел низенький и рыхеватый монах. Это был настоятель монастыря, наблюдавший за Пушкиным по духовной части. Пушкин смущился и торопливо раскрыл лежавшие на столе Четыри Минеи. Тотчас подали чай с ромом. Монах охотно выпил два стакана и начал прощаться. После его ухода друзья продолжали прерванное чтение. Потом Пушкин прочел кое-что свое и продиктовал Пущину начало «Цыган» для «Полярной звезды». Незаметно наступила ночь. Время шло к 3 часам. Лошади уже стояли у крыльца. Позвякивал колокольчик.

За ужином на прощанье «еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем и пьем на вечную разлуку», — писал И. И. Пущин. — Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него; он остановился на крыльце со свечей в руке. Кони рванулись под гору. Послыши-

лось: «Прощай, друг». Ворота скрипнули за мною».²

В стихотворении «19 октября 1825 г.» Пушкин вспоминал о приезде в Михайловское своего друга:

И ныне здесь, в забытой сей глухи,
В обители пустынных вых и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты уладил изгнанья день печальный,
Ты в день его лицея превратил.

Впоследствии, получив известие о ссылке Пущина в Сибирь, Пушкин написал известное стихотворение:

Мой первый друг, мой друг бесценный.
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней.

² И. И. Пущин, Записки о Пушкине. Гослитиздат, 1934, стр. 93.

Это обращение друга было передано Пущину в Чите 5 января 1828 г. женой Никиты Муравьева.

Вторым событием, нарушившим однообразие деревенской жизни, был приезд в Михайловское барона А. А. Дельвига.

В письме Пушкина 23 апреля 1825 г. к брату, мы читаем: «как я был рад баронову приезду. Он очень мил. Наши барышни все в него влюбились — а он равнодушен, как колода, любит лежать в постеле... приказывает тебе кланяться, мысленно тебя целует 100 раз, желает тебе 1000 хороших вещей (например, устриц)».

Дельвиг застал Пушкина в приготовлениях к изданию стихотворений. Обычно друзья проводили в беседах и спорах все утро. Затем, после нескольких партий на бильярде и позднего обеда, отправлялись в Тригорское.

Пробыв несколько дней в Михайловском, Дельвиг 26 апреля выехал обратно в Петербург.

Осенью 1825 г. Пушкин, вспоминая приезд Дельвига, посвятил другу следующие строки:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, веян пермских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О, Дельвиг мой! твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

(19 октября 1825 г.).

В сентябре 1825 г. произошла встреча Пушкина еще с одним из лицеистов — князем А. М. Горчаковым. Однако это свидание не оставило в памяти поэта такого яркого следа как приезды Пушкина и Дельвига. Отношения между князем А. М. Горчаковым и поэтом были совершенно иные. Правда, к Горчакову относятся три законченных стихотворения Пушкина (1815, 1816 и 1819 гг.) и черновой набросок четвертого. Но все же истинной дружбы между

ними не было. Соединяли их только лицейские воспоминания.

Еще в школьных характеристиках А. М. Горчакова отмечается «чрезмерное соревнование» (честолюбие). Даже простодушный Чириков не мог не заметить в своем питомце «самолюбие, ревность к пользе и чести своей». Эти свойства помогли А. М. Горчакову сделать блестящую карьеру. Жизненные пути поэта и его товарища решительно разошлись.

Осенью 1825 г. А. М. Горчаков — в это время уже первый секретарь русского посольства в Лондоне — проездом в Петербург из Спа заехал в Лямоново — имение своего дяди, опочецкого предводителя дворянства А. Н. Пешурова. Узнав о приезде товарища, Пушкин отправился к нему. Горчаков в это время был болен. Поэт провел у него целый день.

В письме к князю П. А. Вяземскому поэт передал свои впечатления от поездки в Лямоново: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встре-

тились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высок — впрочем, так и должно: зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем или гнием; первое все таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии».

В стихотворении «19 октября 1825 г.» Пушкин посвятил одну строфи А. М. Горчакову:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней.
Хвала тебе — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам равный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Это было последнее упоминание о Горчакове в стихотворениях Пушкина. Не встречается в дальнейшем его имя и в переписке поэта.

Были у Пушкина в Михайловском и сердечные увлечения. Одно из них — роман поэта с крепостной де-

вушкой Ольгой Михайловной Калашниковой.

Отец Калашниковой был дворовым Петра Абрамовича Ганнибала. Свою карьеру он кончал в семье Пушкиных в роли доверенного и управляющего. Дочь его с детства жила около помещиков. Она в совершенстве усвоила тот внешний лоск, который отличал горничных («фрейлин», как иронически называл их Пушкин) от прочих крепостных. Это была крестьянка с некоторыми замашками барышни.

Роман Пушкина кончился тем, что в конце апреля — начале мая 1826 г. Калашникова поехала в Москву со следующим письмом поэта к князю П. А. Вяземскому. — «Письмо это тебе вручит одна милая и добрая девушка... Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег сколько ей понадобится — а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться

о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсыпал его в Воспитательный дом мне не хочется». ¹

В ответном письме от 10 мая кн. П. А. Вяземский пишет—

«Живой чреватой грамоты твоей не видел. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино; куда назначен он твоим отцом, управляющим. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, в коем ему признаться, поручив ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручив на его ответственность, напомнив, что некогда, волею божью ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу.» ¹

Вопрос о дальнейшей судьбе Ольги Михайловны был разрешен обычно, вполне по-барски. «Грех» покры-

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и прим. В. И. Саптова, т. I, стр. 346.

ли, выдав Калашникову замуж за мелкого чиновника Ключарева. Едва ли Ольга Михайловна жила счастливо с этим мужем,—пьяницей и «развратной жизни человеком», как она аттестует его в своем письме к Пушкину из Болдина от 21 февраля 1833 г. На родину она больше не возвращалась.

Находясь в Михайловской ссылке, Пушкин пользовался всем тем, что давало ему крепостное хозяйство. И все же деньги нужны были, и их недостаток остро ощущался поэтом.

Основным источником средств Пушкина был литературный заработок.

В письме к К. Ф. Рылееву в июне—июле 1825 г. Пушкин изложил свой «прозаический», по его выражению, взгляд на положение писателей в России и за границей: «там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них». ¹

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 138

Отношение поэта к своим произведениям, как к основному источнику средств—было постоянным и неизменным.

«Он (Муханов) без спросу взял у меня начало Цыганов и распустил его по свету», — читаем мы в письме поэта к князю П. А. Вяземскому от 19 февраля 1825 г. — Варвар. Ведь это кровь моя, ведь это деньги». ¹

Отношение к собственным произведениям, как к товару, поэт выразил еще раньше в следующем шутливом предложении, обращенном к Н. И. Гречу: «хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы длиною в 800 стихов; стих шириною 4 стопы, разрезано на две песни. Дешево отдам, чтобы товар не залежался». ²

«Я писал его (Бахчисарайский фонтан), единственно для себя, а печатаю потому, что деньги были

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 118.

² Там же, стр. 24.

нужны», ¹ — читаем в письме А. А. Бестужеву от 8 февраля 1824 г.

Та же мысль содержится в письме князю П. А. Вяземскому от 8 марта 1824 г.: «я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола».²

Ровно через десять лет, в апреле 1834 г., поэт писал М. П. Погодину: «пишу много для себя, а печатаю поневоле и единственно для денег».³

Конечно, сильным преувеличением является утверждение поэта в письме брату: «Я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги. Таков я в наготе моего цинизма».

Только ради денег Пушкин никогда не писал, и в одном из интимнейших писем у него впоследствии

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 71.

² Там же, стр. 73.

³ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. III.

вырвалась фраза: «писать книги для денег, видит бог не могу».¹

Оценивая значение денег, Пушкин писал: «Я деньги мало люблю, но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости».²

Наиболее полно свои мысли по вопросам о литературной деятельности, как профессии, поэт изложил в письме, написанном за два месяца до высылки в Михайловское: «ради бога не думайте, чтобы я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача, или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость... Только в Москве или Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книготорговцы; я поминутно должен отказываться от самых

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. III, стр. 93 и 152.

² Там же, стр. 152.

выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 верст от столицы».¹

Этот откровенный и принципиально обоснованный переход Пушкина на исключительно коммерческие начала публикации произведений объясняется тем, что иных верных источников средств существования в распоряжении поэта не было.

Настаивая в письме к брату от 27 марта 1825 г., чтобы его стихов никому до печатания не давали, Пушкин поясняет: «этак меня опять обокрадут, — а у меня нет родительской деревни с соловьями и медведями».²

Хроническое безденежье иногда заставляло поэта делать уступчивым, торочиться со сделками.

«Деньги нужны, читаем в письме брату конца декабря 1824 г. — Долго не торгуйся за стихи — режь,

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. II, стр. 310.

² Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 125.

рви, кромсай хоть все 54 строфы, но денег, ради бога, денег». ¹

Вопрос о деньгах встал перед Пушкиным сразу же по приезде его в Михайловское. Они были нужны прежде всего для «благопристойной независимости». Кроме того поэт не оставил мысли о бегстве за границу, а для этого необходимы были крупные средства. Достать их можно было только путем издания своих произведений.

Когда Лев Сергеевич уезжал из Михайловского в Петербург, Пушкин поручил ему ведение своих дел.

Еще в лицее у поэта возникла мысль об отдельном издании своих стихотворений. В 1820 г. рукопись была уже подготовлена к печати. Однако издать ее не удалось: Пушкин был выслан на юг. Перед отъездом поэт, по его словам, «получил, полупроиграл» тетрадь со стихами Н. В. Всеяловскому. Шла

она за 1000 руб. Из них поэт получил наличными 500 руб., а остальное пошло на покрытие карточного долга. В письме к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 г. Пушкин упоминает, что рукопись была передана Н. В. Всеяловскому «с известным условием». Повидимому это условие заключалось в издании стихотворений или в возвращении рукописи в случае неиздания.

В ноябре 1824 г. Пушкин писал из Михайловского: «Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси». ¹

К составлению сборника стихотворений поэт приступил еще до получения рукописи. Она пришла позже. Только 15 марта 1825 г. Пушкин мог, наконец, написать брату и П. А. Плетневу: «Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я высти-

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 111.

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 99.

рал черное белье на-скоро, а новое сшил на живую нитку». ¹

Книга «Стихотворений Александра Пушкина» вышла в свет 30 декабря 1825 г. Она разошлась необычайно быстро. Уже 27 февраля 1826 г. П. А. Плетнев писал: «Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни одного экземпляра, с чем его и поздравляю». ²

Материальный успех издания (на долю автора пришлось 8040 руб.) превзошел все ожидания поэта.

С этого времени наблюдение за всеми изданиями своих произведений Пушкин поручил П. А. Плетневу. Лев Сергеевич от ведения дел своего брата был окончательно отстранен.

Принятые на себя поручения Лев Сергеевич вообще выполнял очень своеобразно. Подготовляемые к печати стихотворения он читал в петербургских гостиных, хотя это подрывало

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 122.

² Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. I, стр. 229

материальный успех изданий. Вырученными от продажи книг деньгами Лев Сергеевич распоряжался, как своими собственными. Все это испортило отношения между братьями. «Я на тебя полагался как на брата — между тем год прошел, а у меня ни полушки. Если б я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысячу 15, — писал поэт брату 28 июля 1825 г. — Словом мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году, а я на тебя полагался. Упрекать тебя не стану, а благодарить ей богу не за что». ¹

На этом письме переписка между братьями надолго прекратилась.

Необходимых для побега средств Пушкину собрать так и не удалось. Да и вообще организовать это сложное и рискованное предприятие, сидя в Псковской губернии, было очень трудно. Волей-неволей пришлось примириться с участью ссыльного, в ожи-

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 146.

дании лучших времен. Иногда тоска особенно сильно овладевала поэтом. «У нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно», — писал он в одну из таких минут.¹

Настроения, связанные с такой жизнью, вызвали темпераментную оценку в письме П. А. Вяземскому. «Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, Англ. журналы или парижские театры..., то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство.²

ТВОРЧЕСТВО

¹ Пушкин. Письма. Госиздат, т. I стр. 141.
² Пушкин. Письма. Госиздат, т. II, стр. 12.

И мысли в голове волнуются
в отваге,
И рифмы легкие настремчу им
бегут,
И пальцы просятся к перу, перо
к бумаге,
Минута--и стихи свободно потекут.
„Осень“ 1833 г.)

дним из наиболее крупных литературных событий 1824 года является выход в свет X и XI томов «Истории государства Российского» Карамзина. Они охватывают царствование Федора Иоанновича и кончаются царствованием Лжедимитрия. Для читателей двадцатых годов, живших в напряженной политической атмосфере, смуты и заговоры конца XVI и начала XVII столетий представляли большой интерес. Об

этом можно судить по письму Пушкина Жуковскому от 17 августа 1825 г.:

«Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина, — писал поэт. — Кажкая жизнь. Это также животрепещуще, как вчерашняя газета, писала Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли еще доставить или Жизнь Железного Колпака, или житие какого нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьи Минеи, а мне бы очень нужно». ¹

В Борисе Годунове и Самозванце Пушкин нашел образы двух узурпаторов; первый из них, по толкованию Карамзина, захватил престол через убийство законного наследника, второй — через мятеж.

Тема узурпации всегда охотно подвергалась литературной обработке. Пушкина она особенно интересовала в силу недавних исторических событий.

¹ Пушкин, Письма, Госиздат, т. I, стр. 155.

Еще царствовал Александр I, пришедший к власти через труп своего отца; еще живы были активные участники дворцового переворота 11 марта 1801 г.; наконец, так еще недавно угас Наполеон I, захвативший власть путем переворота.

Работа над Борисом Годуновым увлекла и захватила Пушкина. «Я предпринял такой литературный подвиг, — пишет он 13 июля 1825 г. П. А. Вяземскому, — за который ты меня расцелуешь: Романтическую трагедию. — Смотри молчи же: об этом знают весьма немногие... Передо мной моя трагедия. Не могу выдержать, чтобы не выписать ея заглавия: Комедия о настоящей беде Московскому государству, о ц[аре] Борисе и о Гришке Отр[епьеве]. Писал раб божий Алекс. сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Ворониче. Каково?» ¹

На просьбу о присылке жития Железного Колпака откликнулся князь

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 141.

П. А. Вяземский. «Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями и хотел отослать для тебя Железный Колпак. Он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Борисова диковинную смесь: набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал библию и нашел в ней оправдания себе... Я советовал бы тебе прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину, который мог бы тебе полезен быть в историческом отношении». ¹

13—15 сентября поэт ответил на это письмо: «Благодарю от души Кар[амзина] за Железный Колпак, что он мне присыпает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать.² В самом деле, не пойти ли

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. I, стр. 283.

² Слова Пушкина о „цветном“, т. е. красном колпаке здесь надо понимать как символ революционного настроения.

мне в юродивые, авось буду блаженное. Сегодня кончил я 2-ю часть моей Трагедии—всех думаю будет 4. Моя Марина славная баба. Настоящая Катерина Орлова... Благодарю тебя и за замечание Кар[амзина] о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны... Ты хочешь плана. Возьми конец X и весь одиннадцатый том, вот тебе и план».

В изложении исторических событий Пушкин точно следовал за Карамзиным. Однако поэт допустил некоторые отступления. Он ввел в трагедию лиц, в действительности не существовавших: Пимена, Афанасия Пушкина, молодого Курбского, юродивого.

Работа над «Борисом Годуновым» была окончена 7 ноября 1825 г.

В старом михайловском доме, в комнате поэта, происходило по этому случаю своеобразное торжество. Пушкин так описывает его князю

П. А. Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтическою Трагедиею, в ней же первая персона Борис Годунов. Трагедия моя кончена, перечел ее вслух, один, и был в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын... Жуковский говорит, что царь меня простит за Трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушай под колпак юродивого, торчат». ¹

В общем Пушкин ясно представлял себе затруднения, которые могли помешать печатанию «Бориса Годунова». П. А. Плетневу он писал 7—8 марта 1826 г.: «В моем Борисе бранятся по материну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу». ²

Узнав об этом, П. А. Катенин писал 11 мая поэту: «Меня недавно

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 163.

² Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 9.

насмешил твой (яко-бы) ответ на желание одного известного человека прощать твою трагедию: Годунов: Трагедия эта не для дам, и я ся не дам. Скажи, правда ли это». ¹

Пушкин привез в Михайловское две законченных главы «Евгения Онегина». Третья была только начата в Одессе 8 февраля, а окончена уже в Михайловском 2 октября 1824 г.

Четвертая глава была начата в конце 1824 г., а окончена лишь 3 января 1826 г. Писалась она с перерывами. «Евгений мне надоел и спит: впрочем я его не бросил», — сообщал поэт 4 декабря 1825 г. Катенину. Несомненно, работе над романом мешало увлечение «Борисом Годуновым».

Отголоски этого увлечения заметны и в «Евгении Онегине».

¹ Пушкин, Перециска, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. I, стр. 348.

... после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу...

Четвертая глава изобилует реалистическими картинами помещичьей жизни и быта. Имеются в ней и автобиографические подробности. Об этом говорит сам поэт в письме князю П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г.: «в 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь».¹ Это особенно заметно в следующих строфах:

XXXVI—XXXVII

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирал,
И одевался

Пушкин, Письма. Госиздат, т. 1, стр. 173.

XXXVIII—XXXIX

Прогулки, чтенье, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий подседуй,
Уаде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая.

В рукописи романа имеется такое описание деревенского наряда Евгения Онегина:

Носил он русскую рубашку
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский на распашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным
Была весьма огорчена
Псковская дама Дирина,
А с ней Мизинчиков....

Так же иногда одевался в Михайловском и сам Пушкин.

Пятая глава с наибольшей полнотой отражает деревенские впечатления поэта: наступление зимы, гаданья,

деревенский бал. Она начата 4 января 1826 г. и закончена в том же году.

Шестая глава (последняя, созданная в Михайловском) была написана после декабрьского восстания. Законченная 19 августа 1826 г., она затем подвергалась переработке. Тяжелое настроение Пушкина в эти тревожные дни нашло отражение во многих строфах романа.

Этим же объясняется и та грусть, которая звучит в призывае к вдохновению:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.

Последним большим произведением Пушкина, написанным в Михайловском, была поэма «Граф Нулин».

Идея этого произведения по словам поэта возникла так:

«Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал, что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? Быть может это охладило бы его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить — Лукреция бы не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра налипал эту повесть». ¹

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 8.

«Граф Нулин» был закончен 14 декабря 1825 г. и первоначально назывался «Новый Тарквиний». Это произведение написано в духе байроновской шутливой поэмы «Верро».

В «Графе Нулине» дается такое же реалистическое описание деревни и помещичьего быта, как и в «Евгении Онегине»:

В последних числах сентября
(Превреною прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, иенасть,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков.

При выходе в свет «Графа Нулина» критика встретила поэму недоброжелательно, возмущаясь реалистическими деталями. «Вестник Европы» выражал опасение, что эту безнравственную поэму прочтут шестнадцатилетние девицы.

ТРИГОРСКИЕ друзья

Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! Нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей...

(Пропущенные строфы
„Евгения Онегина“)

иболее окрепла дружба Пушкина с семьей П. А. Осиповой во время михайловской ссылки поэта. В Тригорском всегда были рады поэту, здесь он неизменно находил теплое участие и внимание.

П. В. Анненков пишет: «С живописной площадки одного из горных выступов, на котором расположено было поместье, много глаз... устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта — и много сердец билось трепетно, когда по

ней, огибая извины Сороти, показывался Пушкин или пешком в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руке, или верхом».¹

В 1824—1826 гг. семья Прасковьи Александровны, по рассказам ее дочери, записанным М. И. Семевским,² «состояла из следующих лиц: маменьки нашей... и из сестер моих от другого отца: Анны Николаевны и Евпраксии Николаевны Вульф и родных сестер моих Катерины и Александры Осиповых. Брат Алексей Николаевич был в то время студентом в Дерпте и наезжал сюда на святки и в каникулы. Все сестры мои были в то время невестами, и из них особенно хороша была Евпраксия. Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского... Бывало все сестры мои,

¹ П. В. Анненков, А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1874, стр. 278.

² А. Н. Вульф, Дневники. „Федерация“, стр. 35.

да и я, тогда еще подросточек, выйдем к нему навстречу... Приходил бывало и пешком; подберется к дому тогда совсем незаметно; если летом бывали окна раскрыты, он шасть — и влезет в окно.. Ну, пришел Пушкин, — все пошло вверх дном; смех, шутки, говор — так и раздаются по комнатам».

Но не только дом, весь очаровательный парк Тригорского наполнялся при Пушкине молодым весельем.

К сожалению, за сто лет в парке многое изменилось. Тем не менее еще чувствуется в нем очарование, которое влекло сюда поэта.

«За прудом, — пишет М. И. Семевский, — на громадном пространстве раскинут великолепный сад, в последние годы несколько уже запущенный. Тут же указали мне: зал — так называемую площадку, тесно обсаженную громадными липами; в этом зале лет тридцать назад молодежь танцевала; об этом же зале упоминает Языков в одном из

своих стихотворений. Полюбовался и я горкой среди сада, верх которой венчается ветвистым дубом: по четырем углам этой насыпной горки стояли ели, под которыми леживали Пушкин и Языков; ели те еще при жизни их были срублены по приказанию Прасковьи Александровны, так как они, будто бы, мешали расти роскошному дубу. Пушкин жалел об этих деревьях... Недалеко виднеются жалкие остатки некогда красивого домика, с большими стеклами в окнах. Это баня; здесь жил Языков в приезд свой в Тригорское в 1826 году, здесь ночевывал и Пушкин... Вот и береза, раздвинувшая свои два ствола так, что среди них образовалось кресло. Здесь тоже сиживал Пушкин, в дупло этого дерева поэт опустил пятак на память; недалеко кустарник барбарисовый, в середину которого Пушкин однажды впрыгнул. А вот и спуск к реке Сороти; на высоком зеленом, в высшей степени живописном берегу этой реки, в саду,

та именно «горка», о которой так часто вспоминает Языков в своих стихах; это площадка, осененная деревьями; ниже к реке были липы — их теперь нет... Над самой рекой была ива, купавшая ветви свои в волнах Сороти и весьма нравившаяся и Пушкину и Языкову, но и ивы нет... Но что осталось, так это дивный, необыкновенно очаровательный вид с «горки» на окрестность». ¹

Каждый шаг в парке Тригорского вызывает воспоминания о Пушкине и о его друзьях. К числу этих друзей принадлежала вся молодежь Тригорского.

На первых порах по приезде с юга, когда еще были свежи одесские впечатления, поэт относился к девицам из Тригорского более чем сдержанно. ⁴ 4 декабря он писал сестре: «Твои тригорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко». ²

¹ А. И. Вульф, Дневники. „Федерация“, стр. 41.

² Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 103.

Можно, однако, думать, что такой резкий отзыв был дан под влиянием минутного настроения. Во всяком случае в первой половине ноября в письмах к Льву Сергеевичу мы находим другие оценки.

«Я в Михайловском редко. Аннет очень смешна. Сестра расскажет тебе мои новые фарсы». Немного позже попадается другое упоминание о соседках: «Кстати о талии. На днях я мерился поясом с Евпраксией и тальи наши нашлись одинаковыми... Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела».¹

Во второй половине декабря Пушкин пишет брату: «У меня с Тригорскими завязалось дело презабавное — некогда тебе рассказывать, а уморительно смешно».²

Скука зимних вечеров, однообразие деревенской жизни, засыпанная снегом лесная глушь, — все это создавало настроение, впоследствии с

¹ Пушкин. Письма. Госиздат, т. 1, стр. 97.
² Там же, стр. 111.

такой полнотой переданное в следующих стихах:

Тоска! Так день за днем идет в уединенье,
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль вовк
Нежданая семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона,
Как жизнь, о боже мой, становится полна...
(Зима. Что делать нам в деревне...).

Со старшей дочерью Прасковьи Александровны — Анной Николаевной у Пушкина завязался роман, характеристика которого дана в дневнике А. Н. Вульфа.¹

До нас дошли письма Анны Николаевны к Пушкину — искренние и в общем печальные письма девушки, вполне отдающей себе отчет в том, что Пушкин не любит ее.

«Я говорю о вас возможно меньше, но мне грустно и я плачу,— читаем мы в письме от начала марта 1826 г. — Меня это компрометирует,

¹ А. Н. Вульф, Дневники. «Федерация», стр. 184.

я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть... Это конечно очень глупо, т. к. я уверена, что вы уже думаете обо мне с большим равнодушием и быть может рассказываете обо мне всякие ужасы, тогда как я...¹

В другом письме Анна Николаевна пишет: «Сохраните ко мне немногого привязанности: мое чувство к вам этого заслуживает». ²

Еще откровеннее признание в письме от 16 сентября: «прощай, мое прошлое блаженство... Никто в жизни не заставит меня испытать тех волнений и ощущений, какие я пережила рядом с вами».

Несомненно Анна Николаевна знала цену холодного и слегка иронического отношения к себе Пушкина.

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. I, стр. 331. Письма женщин к Пушкину, 1928, стр. 40.

² Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. I, стр. 370. Письма женщин к Пушкину, 1928, стр. 53.

«Вы не любите меня,—пишет она,— как должны бы любить; вы разрываете и раните сердце, цены которому не знаете». ¹

И тем не менее в одном из писем Анны Николаевны попадается такая фраза (по-итальянски): «Посылаю тебе поцелуй, моя любовь, моя прелесть». ²

Из ревности, а отчасти и для того, чтобы разлучить дочь с Пушкиным, Прасковья Александровна увела ее из Тригорского в Малинники. Соперничество дочери с матерью приняло довольно откровенные формы. «Она одна хочет одержать над вами победу... она из ревности оставляет меня здесь,—пишет Анна Николаевна 8 марта 1826 г. ³ — Я

¹ Пушкин, „Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. I, стр. 373. Письма женщин к Пушкину, 1928, стр. 54.

² Там же, т. I, стр. 343. Письма женщин к Пушкину, 1928, стр. 46.

³ Там же, т. I, стр. 354. Письма женщин к Пушкину, 1928, стр. 50.

страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина.»¹

Глубокое и серьезное чувство Анны Николаевны осталось без ответа. Последние годы ее жизни (умерла 2 сентября 1857 г.) прошли тоскливо и печально. Она доживала свой век то у сестры в Голубове, то в Тригорском.

Несколько иные отношения сложились между поэтом и жизнерадостной Евпраксией Николаевной, которая была душой Тригорского общества. «Евпраксия уморительно смешна,— пишет поэт брату в ноябре 1824 г.,— я предлагаю ей завести с тобою философическую переписку».² Евпраксия Николаевна (Зина или Зизи) оставила заметный след в поэзии Пушкина. Ей посвящено шутливое альбомное стихотворение (1 июля 1825 г.), в котором поэт просит:

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. I, стр. 333. Письма женщин к Пушкину. 1928, стр. 42 и 43.

² Пушкин, Письма. Госиздат, т. I, стр. 98.

... впредь у нас не разрывайте
Ни мадrigалов, ни сердец.

К ней же относится написанное в апреле 1825 г. стихотворение «Если жизнь тебя обманет».

В пятой главе «Евгения Онегина» поэт вспоминает свою приятельницу:

Зизи, кристал души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал...

Анненков дает Евпраксии Николаевне следующую характеристику: «Она пользовалась жизнью очень просто, но повидимому ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий, и постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собою и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дальнего от судьбы... Одно время полагали, что Пушкин неравнодушен к Евпраксии Николаевне».¹

¹ П. В. Анненков, А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1874, стр. 280.

В записи от 11—12 сентября 1828 г. Вульф отмечает: «Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо от того пострадает доброе имя сестры и матери, а сестре и других ради причин это вредно». ¹ Вульф здесь имеет в виду свою старшую сестру Анну Николаевну. Однако, наблюдая и за Евпраксией Николаевной, он отмечает в дневнике, что «по разным приметам судя, и ее молодое воображение вскружено неотразимым Мефистофелем». О сестре Вульф пишет: «Очень она переменилась. У ней видно было расслабление во всех движениях, которое ее почитатели назвали бы прелестною томностью, мне же показалось похожим на страдание от не совсем счастливой любви, в чем я кажется не ошибся». ²

¹ А. И. Вульф, Дневники. „Федерация“, стр. 146.
² Там же, стр. 186.

В 1928 г., при выходе в свет IV и V глав «Евгения Онегина», Пушкин поднес книгу своей приятельнице с надписью: «Евпр. Никол. Вульф от автора. Твоя от твоих. 22 февраля 1823 г.»

Летом 1831 г. Евпраксия Николаевна вышла замуж за соседа по имени барона Бориса Александровича Вревского. В сентябре 1835 г. Пушкин посетил Вревских в их имении Голубово и писал жене: «Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш псковский архиерей».

Поэта соединяли с Евпраксией Николаевной не только воспоминания, но и крепкая дружба. К этой простой, отзывчивой, располагавшей к откровенности женщине поэт до конца жизни питал теплые чувства. В тревожные дни перед роковой дуэлью он откровенно рассказал ей о том, что угнетало его. Евпраксия Николаевна навсегда сохранила добрую память о том, кто сыграл такую заметную роль в ее жизни.

Увлекался Пушкин и падчерицей Прасковьи Александровны.

Александра Ивановна Осипова, Сашенька или Алина, как звали ее в семье, была дочерью второго мужа П. А. Осиповой от первого брака. Она постоянно жила до своего замужества в семье Вульф. К ней относится стихотворение 1824 г. «Признание»

Я вас люблю—хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный.

По словам Е. Н. Вревской, А. И. Осипова отличалась «воображением и пылкостью чувств».

Намек на отношения Пушкина к Александре Ивановне мы находим в словах Анны Николаевны Вульф: «У нас по крайней мере был Пушкин, который был звездой добра и зла для Сашеньки». ¹

До нас дошло письмо поэта к Александре Ивановне, написан-

¹ А. Н. Вульф, Дневники, стр. 23.

ное уже после выхода ее замуж. В этом письме мы читаем: «как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края. Приезжайте ради бога хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет на досуге и влюбиться». ¹

В 1833 г. Александра Ивановна вышла замуж за псковского полицмейстера полковника Беклешова, человека очень грубого, про которого ее сестра Мария Ивановна Осипова писала: «он с ней иначе не говорит, как бранясь так, как бы бранится самый злой мужик».

Александра Ивановна жила долго. Она работала преподавательницей музыки в псковских женских учебных заведениях. В ее горькой жизни воспоминания о Пушкине были большой отрадой. Вслед за сестрой она могла бы сказать: «у нас по крайней

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. III, стр. 229.

мере был Пушкин». Умерла А. И. Осипова в 1864 г.

Наиболее сильное чувство, пережитое Пушкиным в эти годы, было вызвано Анной Петровной Керн, которая вдохновила поэта на одно из лучших его стихотворений «Я помню чудное мгновенье». Это стихотворение Пушкин передал А. П. Керн при ее отъезде из Тригорского в Ригу 19 июля 1825 г.

Поэт страстно увлекся молодой женщиной, у которой в это время был продолжительный роман с ее двоюродным братом А. Н. Вульфом.

В воспоминаниях А. П. Керн есть яркие страницы, относящиеся к ее посещению Михайловского. «Тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном;

сестра, Пушкин и я—в другом. Ни прежде ни после я не видела его таким добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называя ее глупой, а говорил: «я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо». Приехавши в Михайловское, мы не пошли в дом, а пошли прямо в старый запущенный сад,

Приют задумчивых дриад

с длинными аллеями старых дерев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставило меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехав туда вслед за нами, сказала: «милый Пушкин, покажите же, как любезный хозяин, ваш сад госпоже Керн». Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться.. Он вспоминал нашу первую встречу у

Олениных...и в конце разговора сказал: «у вас был такой девственный вид, не правда ли, на вас был тогда крест». На другой день я должна была уехать в Ригу.. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-ой главы Онегина, в неизрезанных листах, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать». 1

Увлечение Анной Петровной доходило у поэта до экстаза. Об этом можно судить по письмам Пушкина к Керн. Ревнивая Прасковья Александровна Осипова «увезла», по

1 А. П. Керн, Воспоминания. „Академия“, стр. 254.

выражению Анненкова, свою племянницу в Ригу. А вдогонку «мимолетному видению» шли такие письма:

«Прощайте, теперь ночь и ваш образ чудится мне, полный грусти и сладострастной неги,—я будто вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Прощайте. Я чувствую себя у ваших ног, сжимаю их, и чувствую прикосновение ваших колен — всю мою кровь я отдал бы за минуту действительности. Прощайте и верьте моему бреду; он смешон, но искренен».

Однако с годами отношение Пушкина к Анне Петровне сильно изменилось. Вместо «гения чистой красоты» перед ним встал образ «авилюнской блудницы». Вероятно это было вызвано постоянными увлечениями Анны Петровны. Во всяком случае в последние годы своей жизни поэт относился к ней холодно и отчужденно.

В годы михайловского изгнания Пушкин сблизился с А. Н. Вульфом, который в 1824 г. проводил летние

каникулы в Тригорском. Девятнадцатилетний студент Вульф всецело покорился обаянию личности Пушкина. Поэт стал для него образцом. Позднее, по окончании университета, уже вступив в самостоятельную жизнь, Вульф записал, что «напитан мнениями Пушкина и его образом обхождения с женщинами». ¹

К Вульфу обращено стихотворение поэта, написанное в сентябре 1824 г. Из этого стихотворения видно, как друзья проводили свой деревенский досуг:

Запишуем уж, молчи.
Чудо, жизнь анахорета.
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света.
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же—то смертельно пьяны,
То мертвцы влюблены.

Вульф прожил долгую жизнь. Последние 40 лет он провел в заботах

¹ Пушкин Письма, Госиздат, т. I, стр. 496.

о своем хозяйстве и в удовлетворении своей чувственности. В старости он дошел до такой непомерной скучности, что питался одной рыбой, пойманной им же в Сороти.

Лето 1826 г. прошло в Тригорском и Михайловском оживленно, особенно в связи с приездом сюда Н. М. Языкова.

В мае 1826 г. Языков писал своему брату из Дерпта: «в начале наших летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую: увижу Изборск, Псков, Печоры, — места священные музея русской».

23 июня Языков писал брату уже из Тригорского, а 24 июля вернулся в Дерпт, откуда в письме к матери так описал свое пребывание в Тригорском:

«Изобилие плодов земных, благородство воздуха, благорасполо-

жение ко мне хозяйки, женщины умной и доброй, миловидность и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь, или лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец, сладости и сласти искусственные, как-то: варенья, вина и проч.— и все это вместе составляет нечто очень хорошее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье». ¹

Языков прожил в Тригорском с середины июня по 20 июля. Этот месяц был для обитателей Тригорского и Михайловского непрерывным праздником. Гулянья, шумные беседы, поэтические и дружеские излияния происходили изо дня в день.

Анненков пишет: «так очаровательны были берега Сороти, сени и рощи обоих селений в прекрасное лето 1826 г., так грациозно и весело

¹ Языковский архив. Вып. I, стр. 257.

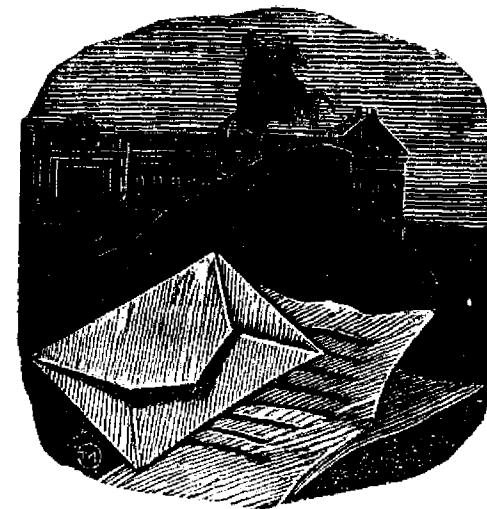

встречало друзей молодое женское население... так вдохновенны и поэтичны были ночи и долгие дни, проведенные ими вместе, что Языков до гроба считал эту эпоху своей жизни лучшим ее мгновением».

Ко времени пребывания Языкова у Осиповых относятся его лучшие стихотворения. Их нельзя не вспомнить, находясь на берегу Сороти. В этих стихах нашли свое поэтическое отражение:

И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извины
Золотого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы
Приют прохлады в летний зной,
На яды полог продувной;
И те отлогости, те нивы.
Из-за которых вдалеке
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один—
Вольтер и Гете и Расин,
Являлся Пушкин знаменитый
И ту площадку, где в тиши
Нас вожила, нас веселила
Вина чарующая сила—
Оселок сердца и души.

Лето 1826 г. навсегда сохранилось в памяти всего тригорского кружка. Уже через десять лет, в апреле 1836 г., в письме к Языкову Пушкин вспоминал это лето, посыпая поклон из Голубова.

ОЖИДАНИЕ
СВОБОДЫ

Заря на знойный небосклон
За дниами новые дни вовводит;
За ночью ночь вовслед уходит;
Вотще свободы жаждет он.

(„Кавказский пленник“)

B

есть о восстании декабристов дошла до Пушкина, вероятно, около 20 декабря.

М. И. Семевский приводит рассказ одной из дочерей П. А. Осиповой о том, как в Тригорском было получено известие о декабрьских событиях.

«Однажды под вечер, зимой, сидели мы все в зале чуть ли не за чаем. Пушкин стоял у этой печки. Вдруг матушке докладывают, что приехал Арсений. У нас был, изволите видеть, человек Арсений — повар.

Обыкновенно, каждую зиму посыпали мы его с яблоками в Петербург; там эти яблоки и разную деревенскую провизию Арсений продавал и на вырученные деньги покупал сахар, чай, вино и т. п. нужные для деревни запасы. На этот раз он явился совершенно неожиданно: яблоки продал и деньги привез, ничего на них не купив. Что за оказия? Стали расспрашивать, — Арсений рассказал, что в Петербурге бунт, что он страшно перепугался, всюду разъезды и караулы, насилия выбрался за заставу, нанял почтовых и поспешил в деревню. Пушкин, услыша рассказ Арсения, страшно побледнел. В этот вечер он был очень скучен, говорил кое-что о существовании тайного общества, — но что именно — не помню. На другой день — слышим, Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петер-

бург, но на пути зайдя три раза перебегал ему дорогу, а при самом выезде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием. Пушкин отложил свою поездку в Петербург, а между тем подоспело известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда». ¹

Для поэта наступили тревожные дни. Членом тайного общества он, правда, не состоял, но среди арестованных было много друзей и знакомых Пушкина. Страх за их судьбу волновал его.

«В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, — писал поэт в 1830 г. в Родословной Пушкиных и Ганнибалов, — я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв. Не

¹ А. Н. Вульф, Дневники. «Федерация», стр. 67.

могу не сожалеть о их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства». ¹

Дошедшие до нас письма поэта показывают, в каком состоянии он в это время находился. Однако, нельзя забывать, что далеко не вся переписка Пушкина дошла до нас и что вообще в письмах приходилось быть очень осторожным.

«Я не писал к тебе во-первых потому, что мне было не до себя, во-вторых за неимением верного случая, — сообщает поэт В. А. Жуковскому во второй половине января 1826 г. — Вероятно правительство удостоверилось, что я к заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел... Все таки я от жандарма еще не ушел». ²

¹ Пушкин, изд. Брокгауз и Эфрон, т. V, стр. 427.

² Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 3.

Поэт однако не терял надежды получить свободу. При этом он хотел сохранить за собой в отношениях с правительством свободу убеждений и действий. Он писал В. А. Жуковскому: «теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение будет зависеть от обстоятельств, от обхождения со мною правительства». ¹

Не получив от В. А. Жуковского ответа, Пушкин просил П. А. Плетнева узнать у него о возможности своего освобождения. Затем он и сам написал Жуковскому чисто официальное письмо, которое в случае надобности можно было бы показать кому следует. В. А. Жуковский ответил лишь 12 апреля: «что могу тебе сказать насчет твоего желания

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 3.

покинуть деревню. В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу... Ты ни в чем не замешан— это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся твои стихи. Это худой способ подружиться с правительством». ¹

Пытаясь вырваться из ссылки, Пушкин в мае написал Николаю I прошение о разрешении выехать в Москву, Петербург или заграницу. ²

Но и это прошение осталось без ответа.

Неизвестность нервировала поэта. «Что это в самом деле,—писал он 3 марта П. А. Плетневу,— Сле-Пушкину ³ дают и кафтан, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному— шинь.

Так и быть; отказываюсь от фрака, штанов и даже от академи-

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Саитова, т. I, стр. 340.

² Пушкин, Письма, т. II, стр. 10.

³ Речь идет о поэте-крестьянине Ф. Н. Слепушкине.

ческого четвертака (что мне следует); по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское». ¹

Время шло, а положение не изменилось. «Еще я все таки надеюсь на коронацию,— писал поэт 14 августа князю П. А. Вяземскому.— Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев ужасна».

Когда писалось это письмо, уже производился секретный розыск о поведении и образе жизни Пушкина. С этой целью в Псковскую губернию был послан специальный чиновник статский советник А. К. Бошняк. Ему было поручено произвести тайное следствие и выяснить, не возбуждал ли Пушкин крестьян «к вольности». Бошняк имел право, в случае надобности, арестовать Пушкина и отправить «куда следует».

Бошняк прибыл под видом путешествующего ботаника. К счастью,

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 7.

произведенное им следствие дало благоприятные для поэта результаты. Игумен Святогорского Успенского монастыря Иона на вопрос о том, не возмущает ли Пушкин крестьян, ответил, что «он (Пушкин) ни во что не мешается и живет как красная девка».

Крестьянин слободы Тоболенец (при Святогорском Успенском монастыре) Иван Никитич Столарев на расспросы Бошняка отозвался о Пушкине, что он «отлично добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает». ¹ Даже генерал П. С. Пущин, который распространял неблагоприятные для поэта слухи, вызвавшие расследование, не мог добавить ничего нового к сказанному Столаревым. От него «путешествующий ботаник» Бошняк узнал,

¹ Б. А. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором. 3-е изд., стр. 27.

«что Пушкин дружески обходится с крестьянами и брал за руки знакомых, здороваясь с ними».¹

Насколько просты были всегда отношения поэта с крестьянами, видно из следующего случая.

«Вчера мне встретилась знакомая баба, — писал Пушкин жене 25 сентября 1835 г., — которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился да и подурнел».²

Сам поэт не подозревал, что о нем идет следствие. Он попрежнему жил в Михайловском, ожидая решения своей участи.

Только 28 августа по приказу Николая I, Пушкина вызвали в Москву. Ему было разрешено ехать в своем экипаже, свободно, но в сопровождении фельдъегеря.

Этот вызов, однако, еще не означал, что опала с Пушкина снята. Ни-

¹ Б. А. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором. 3-е изд., стр. 26.

² Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. III, стр. 232.

лай хотел познакомиться с ним лично и тогда уже окончательно решить судьбу поэта.

3 сентября 1826 г. погода была прекрасная. Пушкин весь день провел в Тригорском. Долго гуляли. Поэт был особенно весел. Часу в одиннадцатом вечера молодежь проводила его по дороге в Михайловское. Все шло обычным порядком. Вдруг на рассвете в Тригорском появилась Арина Родионовна. Старуха прибежала запыхавшись. Седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи. На смерть перепуганная няня плакала навзрыд.

Из расспросов оказалось, что вечером, незадолго до возвращения поэта, приехал в Михайловское не то офицер не то солдат (фельдъегерь Вальш). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать в Москву. Пушкин успел только захватить деньги, накинул пальто и через полчаса его уже не было в Михайловском.

Встревоженные рассказом няни,

приятельницы Пушкина спросили у нее, не взял ли этот офицер с собой каких нибудь бумаг. Арина Родионовна успокоила их: бумаг поэта никто не трогал.

Известие о неожиданном выезде Пушкина в Москву вызвало глубокую печаль среди населения Тригорского. П. А. Осипова, взволнованная происшедшим, записала в своем календаре: «в ночь с 3 на 4 число (сентября) прискакал офицер из Пскова к Пушкину и вместе уехали на заре»¹.

По приезде в Псков, Пушкин коротенькой французской запиской успокоил П. А. Осипову, обещал по освобождении вернуться в Тригорское, «к которому отныне навсегда привязано мое сердце».²

Из Пскова поэт выехал в ночь на 5 сентября. Дорогою Пушкин был весел и шутлив. Бешеная фельдъегерская скачка быстро приближала его

¹ Пушкин и его современники, вып. I, стр. 141

² Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 15.

к цели путешествия. Утром 8 сентября Пушкин был в Москве. В 4 часа, усталый с дороги, не совсем здоровый, он был принят Николаем I.

Прямого рассказа самого Пушкина о разговоре с царем нет.

В результате этого свидания Николай I вынес определенные решения. Пушкин получил свободу передвижения. Все его произведения должны были впредь поступать на разрешение самого царя. Посредником между поэтом и царем назначался шеф жандармов гр. А. Х. Бенкendorф.

После беседы с царем Пушкин направился в дом своего дяди, В. Л. Пушкина. Московское общество восторженно приветствовало освобожденного поэта.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИЕЗДЫ В МИХАЙЛОВСКОЕ

Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Отшельником два года незаметных...
(„Вновь я посетил“ 1835 г.)

начале ноября Пушкин выехал из Москвы в Михайловское. «Деревня мне пришла, как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму, — писал поэт князю П. А. Вяземскому 9 ноября 1826 г. — Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

В Михайловском Пушкин пробыл до конца ноября. В это время им была составлена записка «о народном воспитании», законченная 15 ноября. Написать ее поэту поручил Николай I через графа А. Х. Бенкendorфа. В своем письме, посланном Пушкину по этому поводу, шеф жандармов ядовито отметил: «предмет сей должен представить Вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания».¹

Сам Пушкин упоминает о работе над этой запиской в письме к князю П. А. Вяземскому от декабря 1826 г.: «в деревне я писал прозу, а вдохновение не лезет». ²

В конце ноября поэт выехал в Псков.

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. I, стр. 375.
² Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 23.

Михайловское оставалось для Пушкина до конца жизни «милым пределом». Он всегда охотно приезжал сюда. В самые тяжелые минуты жизни перед поэтом возникал образ глухой уединенной усадьбы, обещающей тихий покой усталому от житейских тревог человеку.

Давно, усталый раз, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Михайловское было дорого Пушкину по воспоминаниям, а деревенская природа вдохновляла поэта.

«Я в деревне и надеюсь много писать, — сообщал Пушкин А. С. Дельвижу 31 июля 1827 г., — вдохновения еще нет; покамест принял я за прозу». ¹ В этот приезд Пушкин работал над седьмой главой «Евгения Онегина» и начал писать «Арапа Петра Великого».

Тяжелое душевное состояние, в

¹ Пушкин, Письма. Госиздат, т. II, стр. 39.

котором поэт находился в последние годы своей жизни, мешало его вдохновению даже в Михайловском.

«Вот уже неделя, — писал он жене 14 сентября 1835 г., — как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю». ¹

Тот же печальный мотив звучит в другом письме поэта, посланном жене через неделю: «Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидишь один между четырех стен, или ходишь по лесам, когда никто не мешает думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет. Отец не оставит мне имения; он его уже с половину промотал; ваше имение

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. III, стр. 228.

на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помешники, ни в журналисты... У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30.000». ¹

При таком настроении вдохновение не посещало поэта, несмотря на золотую осень.

«Я провожу время очень однообразно, — читаем в письме от конца сентября. — Утром дела не делаю, а так, из пустого в порожнее переливаю... А ни стихов, ни прозы писать и не думаю». ²

Дни шли за днями в праздном однообразии. —

«Я много хожу, много езжу верхом на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дают овес, к которому они не привыкли.

Ем я печеный картофель, как маймист, и яйца в смятку, как Людовик

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. III, стр. 230.

² Там же, стр. 274.

XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов, встаю в 7». ¹

Перед отъездом в Петербург поэт писал П. А. Плетневу: «такой бесплодной осени отроду мне не видывалось. Пишу через пень колоду валию. Для вдохновления нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен». ²

В этот приезд было написано стихотворение «Вновь я посетил», датированное 26 сентября 1835 года.

В нем упоминаются: опальный домик; холм лесистый; озеро; дорога, изрытая дождями; три сосны. Все эти места оживают в воспоминаниях поэта.

. здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И кажется, вчера еще бродил
Я в этих рощах.

Образы этого стихотворения невольно возникают у путника по

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. III, стр. 230.

² Там же, стр. 239.

дороге из Михайловского в Тригорское.

Последний выезд Пушкина в Михайловское был вызван смертью Надежды Осиповны Пушкиной (29 марта 1836 года). 8 апреля поэт повез хоронить тело матери в Свято-горском монастыре.

В эту поездку он побывал в Голубове, у Евпраксии Николаевны Вревской. Оттуда 14 апреля поэт послал Н. М. Языкову письмо, в котором звучит светлая грусть о прошедшей молодости:

«Отгадайте, откуда пишу к Вам,
мой любезный Николай Михайлович?... Поклон Вам от холмов
Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от
Евпраксии Николаевны, некогда
полувоздушной девы, ныне дебелой
жены, в пятый раз уже брюхатой.
Поклон Вам от всего и ото всех Вам
преданных сердцем и памятью». ¹

¹ Пушкин, Переписка, под ред. и с прим. В. И. Савтова, т. III, стр. 299.

* * *

Меньше чем через год, в седьмом часу вечера 5 февраля 1837 г., в Тригорское прибыл гроб с телом поэта. В тот же вечер гроб был отвезен в Святогорский монастырь. На другой день, в 6 часов утра, А. И. Тургенев, дядька Пушкина — Н. Т. Козлов и несколько человек крестьян, в присутствии жандарма, похоронили прах великого поэта.

В день похорон А. И. Тургенев в сопровождении М. И. Осиповой посетил Михайловское. «Марья Ивановна, — записал А. И. Тургенев в своем дневнике, — объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показала уроцища, места... любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали». ¹

¹ П. Е. Щеголев, *Дуэль и смерть Пушкина* 1928 г., стр. 297.

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

Нет, весь я не умру—душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...

(„Exegi monumentum“ 1836 г.)

ушкинские горы находятся в двух километрах от станции железной дороги. Местность здесь очень красивая. Дорога идет между песчаными холмами. Сосны, на них растущие, позволяют увидеть тонкий шпиц колокольни бывшего монастыря только при самом въезде в поселок.

Основание монастыря относится к 1569 году.¹ Но не монастырские

¹ Платонов, Далекое прошлое Пушкинского уголка, стр. 50.

здания привлекают наше внимание, не древний собор на Синичьей горе. Все знают Пушкинские горы потому, что здесь — могила нашего великого поэта.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Пушкин писал это в 1829 г. Сохранилось свидетельство о том, что и позже это желание поэта осталось неизменным.

«Пушкин, — читаем мы в X томе «Современника» — за несколько месяцев до смерти своей лишился матери, и сам провожал отсюда ея тело в Святогорский монастырь. Как бы предчувствуя близость кончины своей, он назначил подле могилы ея и себе место». ¹

Желание поэта было исполнено. Прах его поконится вблизи Михайловского и Тригорского, на том клад-

¹ «Современник» 1838 г., т. X, стр. 51.

бище, где похоронены его ближайшие родственники: дед, бабушка, мать и отец.

Сто лет назад друг поэта П. А. Плетнев, находясь под впечатлением смерти Пушкина, писал:

«Долго нам суждено переноситься мыслью к тихому пристанищу... Площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестности. Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Она укладена дерном. Посредине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя: Пушкин». ¹

В наши дни к могиле великого поэта обращены взоры всего советского народа. Мы с большей силой

¹ «Современник» 1838 г., т. I стр. 65.

и чувством, чем современники Пушкина, оцениваем тяжесть утраты, которую 100 лет назад понесла страна.

Какие же следы остались на холмах Михайловского и сенях Тригорского от яркой, огромной, чудесной жизни одного из величайших поэтов человечества? Много ли осталось памятников, относящихся к тем дням, когда там жил поэт? Что влечет туда десятки тысяч трудящихся в наши дни?

У древних стен монастырского собора над могилой Пушкина стоит скромный белый памятник, известный всему миру.

К нему подходили чтившие память «незабвенного» тригорские друзья поэта и сотни тысяч людей, которым гениальные творения давали и дают высокое наслаждение.

Этот памятник говорит не только о датах, высеченных на его холодном мраморе, но и о том, что нет смерти для гениев, подобных Пушкину.

На высоком холме Вороничей, на гребне древнего городища, расположено заброшенное и заглохшее кладбище. В глубине его, почти у самого обрыва древней насыпи — могила Прасковьи Александровны Осиповой. Над могилой плита из белого мрамора.

Справа от этой могилы похоронен Алексей Николаевич Вульф — дерптский студент, приятель Пушкина, гусарский офицер, крепостник и скандальный барин-кулак. В 1881 году кончилась его долгая и пустая жизнь.

Здесь глуши и тишина. Только щебетание птиц нарушает покой. Кресты старых могил и могучая зелень тригорского парка на соседнем холме говорят о прошлом. Сто лет назад в этих местах кипела жизнь, искрилось молодое веселье, звучали стихи Пушкина.

Недалеко от городища тонет в зелени колокольня старой Воскресенской церкви, построенной в 1789 году. Это — единственное здание в Три-

горском, сохранившемся до наших дней от пушкинских времен.

7 апреля 1825 года в этой церкви шла заказанная Пушкиным панихида по Байрону. «Нынче день смерти Байрона, — писал поэт княю П. А. Вяземскому, — я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности». ¹

Панихиду служил священник Илларион Раевский, по прозвищу «Шкодя». Не раз вместе с Пушкиным он совершал прогулки верхом.

Церковь окружена каменной оградой. Покосившиеся стены ограды, как и сама церковь — маленькая, деревянная — невольно заставляет вспомнить пушкинский рассказ «Мятель».

От церкви идет дорога, по которой не раз ступал конь Пушкина. Она выводит за окопицу Вороночей. Кругом, слегка холмясь, расстилают-

¹ Пушкин. Письма. Госиздат, т. 1, стр. 127.

ся поля. Впереди — михайловский сосновый бор.

Перед нами места, куда поэт

... от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож,
И, слава богу, от вельмож,
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд...

Тихой, мирной красотой веет от полей и дубрав, раскинувшихся в окрестностях Тригорского. Кругом песок, вереск, сосны. В извиах медленной и задумчивой Сороти тихо отражается голубое небо.

Все эти места воспеты Пушкиным —

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы—
Приют—сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Явился он в наш сельский круг...

Они не раз вставали в воспоминаниях поэта. Об них он пел:

Вдали, один, среди людей,
Воображать я вечно буду,
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

С нивами и сосновыми рощами Михайловского прощался Пушкин, кончая шестую главу «Евгения Онегина».

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дыи мои текли в глуши,
Исполненны страстей и лени
И снов задумчивой души.

И сейчас, несмотря на то, что время безжалостно стирает многие следы пушкинского прошлого, картины былого невольно встают перед нами на зеленом холме Тригорского.

У зеркальной глади печального пруда, в котором когда-то отражался дом П. А. Осиповой, нельзя не вспомнить Пушкина. Им полон парк, воспетые поэтом лиловые своды, скат Тригорского холма. О нем говорят площадки парка, дуб на холме. Но еще более полны пушкинской поэзии самые глухие места парка. Именно к ним хочется отнести слова поэта:

Но там и я мой след оставил,
И ветру в дар, на темну ель
Повесил авонскую свирель.

У оврага, в том месте, где когда-то стояла баня, невольно возникает в памяти «Вакхическая песня» с ее великолепным концом:

Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцаet и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

* * *

Прошло сто лет со дня смерти великого поэта.

За эти годы поэзия, служившая только небольшой кучке привилегированных, стала достоянием всего народа. Великая Октябрьская революция навсегда разбила цели невежества и темноты и предоставила трудящимся нашей страны все бо-

гатство культуры. С огромной любовью и нежностью хранят народы СССР память о гениальных творцах, создавших величайшие творения искусства. Пушкин, который был чужд для хозяев роскошных дворцов и салонов, обрел горячую любовь в сердце трудового народа нашей социалистической родины.

К местам, где жил и творил Пушкин, обращены взоры миллионов трудящихся, которым близко и дорого литературное наследие поэта.

Творчество Пушкина глубочайшим образом проникнуто народностью. Из народного творчества он черпал материалы для создания своих непревзойденных художественных произведений.

Всю свою жизнь Пушкин оставался непримиримым врагом самодержавия и крепостничества. Он был связан узами тесной дружбы с виднейшими декабристами. Им великий поэт посвятил свои замечательные стихи:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

Недаром палач и жандарм на троне — Николай I и его придворная свора так ненавидели Пушкина.

Свободолюбие, ненависть к угнетению и угнетателям, мужество в борьбе, величайшая любовь к народу и его творчеству — таковы главные черты неувядаемого и бессмертного образа величайшего русского поэта. Поэтому Пушкин близок и дорог нам, поэтому его гениальные творения так много говорят уму и сердцу каждого советского человека. Какой колossalный спрос на пушкинскую книгу предъявляет сейчас советский народ! Великого поэта с любовью и увлечением читают во всех уголках нашей необъятной родины. Его творения переве-

дены на родные языки многих национальностей, стоявших до великой пролетарской революции на самых низших ступенях культурного развития.

Исполнились пророческие слова поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Памятники, сохранившиеся от того времени, когда жил Пушкин, помогают нам еще ярче представить неизмеримый образ народного поэта. Сотни тысяч трудящихся стремятся побывать в тех местах, о которых Пушкин писал:

Ст вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.

Думается, что каждый, кто побывал в этих местах, невольно повторит эти слова великого поэта.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

1. Адеркас Борис Антонович — Псковский гражданский губернатор.
2. Александр I — российский император с 1801 по 1825 г. Вступил на престол после своего отца Павла I, в заговоре против которого принимал участие. В произведениях Пушкина имеется ряд резких характеристик этого царя: «кочующий деспот», «враг труда, нечаянно пригретый славой» и т. д.
3. Альфиери Витторио (1747 — 1803) — итальянский писатель. Его произведения были проникнуты ненавистью к тиранам.
4. Анненков Павел Иванович (1813—1887) — издатель полного

собрания сочинений Пушкина и ценных материалов по биографии поэта, выдающийся мемуарист.

5. *Арина Родионовна* — няня Пушкина.
6. *Арсений*—повар в Тригорском, крепостной человек Н. А. Осиповой. От него Пушкин узнал о событиях 14 декабря 1825 года.
7. *Баторий Стефан* — с 1576 по 1586 гг. король польский, при котором происходила упорная война между Польшей и Московским государством.
8. *Беклемешов Петр Николаевич*, подполковник; с 1831 г. псковский полицмейстер. В 1833 году женился на *А. И. Осиповой*.
9. *Бенкendorф А. Ф.*, граф (1783—1844) — шеф жандармов. С 1826 года наблюдал за Пушкиным.
10. *Бестужев А. А.*, псевдоним—*Марлинский* (1797—1837) — декабрист, известный писатель. Издал вместе со своим другом К. Ф. Ры-

леевым три книжки альманаха «Полярная Звезда», в котором участвовал и Пушкин.

11. *Болотов А. Т.* (1738 — 1835)— автор записок, рисующих жизнь дворянства в XVIII столетии.
12. *Борис Годунов*—московский царь с 1598 по 1605 г., избранный на престол после смерти бездетного царя Федора Иоанновича. Главное действующее лицо одноименной трагедии Пушкина.
13. *Бошняк А. К.*—помещик и чиновник, агент тайной полиции, производивший в июле 1826 года секретное «исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян».
14. *Брут* (I век до нашей эры) — один из виднейших деятелей древнего Рима. Был дружен с императором Юлием Цезарем, но примирил к заговору республиканцев. В художественной литературе создан ряд образов Брута.

15. *Вальш* — фельдъегерь, посланный из Москвы за Пушкиным в сентябре 1826 года.
16. *Воронцов Михаил Семенович* — граф (1782—1856), с 1823 г. по 1844 г. Новороссийский генерал-губернатор. В 1823 году Пушкин был переведен на службу в его канцелярию. Между поэтом и Воронцовым установились напряженные отношения и граф настойчиво добивался удаления Пушкина из Одессы.
17. *Всеволожский Никита Всеволодович* (1799—1862) — богатый помещик, сослуживец Пушкина по Коллегии иностранных дел. В его доме собиралось общество «Зеленая Лампа».
18. *Вульф Алексей Николаевич* (1805—1881) — сын П. А. Осиповой от первого брака. Учился в Дерптском университете, служил с 1829 по 1833 на военной службе. После выхода в отставку занялся сельским хозяйством. В

- Университете подружился с поэтом Н. М. Языковым. Живя в Михайловском, Пушкин коротко сошелся с А. Н. Вульфом.
19. *Вульф Анна Николаевна* (1799—1857) — старшая дочь П. А. Осиповой от первого брака.
 20. *Вульф Евпраксия Николаевна* (Зина, Зизи) (1810—1883). По мужу с 1831 г. баронесса Вревская, младшая дочь П. А. Осиповой от первого брака.
 21. *Вындоромский Александр Максимович* — полковник (умер в 1813 г.), отец П. А. Осиповой.
 22. *Вындоромский Максим Дмитриевич*, генерал-майор, дед П. А. Осиповой, получивший при отставке в 1762 году Тригорское.
 23. *Вяземская Вера Федоровна*, княгиня, рожденная княжна Гагарина (1790 — 1886), жена кн. П. А. Вяземского. Пушкин был дружен с нею.
 24. *Вяземский Петр Андреевич*, князь (1792—1878) — поэт и критик,

- один из ближайших друзей Пушкина.
25. *Ганнибал Абрам Петрович* (родился около 1698 года, умер в 1782 году). Сын абиссинского князька; находился в Константинополе в качестве заложника. Привезен к Петру I, при котором состоял до 1717 года. Учился в Париже, в артиллерийской школе, откуда вернулся в 1723 г. Впоследствии, в чине генерал-аншефа, был директором Ладожского канала. Императрица Елизавета пожаловала ему несколько имений в Петербургской и Псковской губерниях.
26. *Ганнибал Вениамин Петрович* (ум. 1839 г.) — сын Петра Абрамовича, помещик села Петровского, заседатель Псковской Палаты Гражданского Суда.
27. *Ганнибал Мария Алексеевна*, урожденная Пушкина (1818 г.) — жена О. А. Ганнибала, бабушка поэта, жившая вместе с его родителями.

28. *Ганнибал Осип Абрамович* (1744—1806) — морской артиллерийский капитан 2 ранга, помещик села Михайловского, отец матери поэта.
29. *Ганнибал Петр Абрамович* (1742—1825) — второй сын А. П. Ганнибала, артиллерийский генерал-майор, был Псковским губернским предводителем дворянства.
30. *Гимен или Гименей* (в античной мифологии) — древне-греческий бог брака, сын Вакха и Венеры.
31. *Горчаков Александр Михайлович*, князь (1798—1883), — с 1856 г. по 1882 г. министр иностранных дел, с 1863 г. государственный канцлер. Товарищ Пушкина по лицю.
32. *Грец Николай Иванович* (1787—1867) — педагог и журналист, редактор журнала «Сын Отечества» (1812 — 1839), соиздатель «Северной Пчелы» (1825—1860). В молодости был близок к декабристам.

- ристам. С 1825 г. — консервативный литературный делец.
33. Григорий — одно из действующих лиц в «Борисе Годунове».
 34. Гурьев Александр Дмитриевич, граф — Одесский градоначальник.
 35. Гюльнара — героиня поэмы Байрона «Корсар».
 36. Державин Гавриил Романович (1743—1816), — поэт, пользовавшийся, начиная с 80-х годов XVIII столетия, огромным успехом. До самой смерти стоял во главе русской литературы. В его присутствии Пушкин читал на лицейском экзамене 8 января 1815 г. «Воспоминания в Царском Селе».
 37. Екатерина Иоанновна — дочь царя Ивана Алексеевича, брата Петра I.
 38. Елизавета Петровна — дочь Петра I, императрица, царствовавшая с 1741 по 1761 г.
 39. Железный Колпак (Большой колпак) — один из так называемых святых. Умер в 1589 году

40. Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт и друг Пушкина.
41. Иона, игумен — настоятель Свято-тогоского монастыря с 1818 г. по 1827 г. Ему было поручено «духовное руководство» А. С. Пушкиным, находившимся в ссылке в Михайловском.
42. Калашников Михаил Иванович — крепостной, управляющий Пушкиных.
43. Калашникова Ольга Михайловна — дочь М. И. Калашникова. Ею увлекся Пушкин в 1825 г.
44. Каменский, граф, фельдмаршал. Жестоко обращался со своими крепостными и был убит одним из них.
45. Камены — то же, что музы. В древне-греческой мифологии — богини, покровительницы поэзии, искусств и наук.
46. Катенин Павел Александрович (1792—1853) — полковник в отставке, поэт, переводчик, кри-

- тик и драматург. Оставил воспоминания о Пушкине.
47. Катон (234—149 г. до нашей эры) — государственный деятель в Римской империи.
48. Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — историк эпохи феодализма, писатель и издатель. Написана им «История Государства Российского». Карамзину принадлежит заслуга реформы русского литературного языка: он ввел легкий язык, единый для всех литературных произведений. Дружески относился к Пушкину и заступался за поэта, когда ему грозила ссылка в Сибирь или на Соловки.
49. Керн Анна Петровна (1800—1879) — двоюродная сестра А. Н. Вульфа. Пушкин написал ей стихотворение «Я помню чудное мгновенье». Оставила воспоминания о Пушкине.
50. Кесарь — одно из произношений имени Цезаря, титул римского

- императора.
51. Креницины — помещичья семья, владевшая имением, расположенным по соседству с Михайловским.
52. Кривцов Николай Иванович (1791—1843). Познакомился с Пушкиным в 1817 г. В том же году поэт посвятил Кривцову свое послание.
53. Коэлов Никита Тимофеевич — дядька Пушкина, сопутствовавший поэту во время переездов и проводивший его прах в Святогорский монастырь.
54. Курбский, князь — одно из действующих лиц трагедии «Борис Годунов».
55. Лукреция — поэма Шекспира, относящаяся к 1594 году. Героиня поэмы — жена Коллатина была обесчещена римским царем Тарквинием. Последний был после этого изгнан из Рима и царская власть свергнута.
56. Марина Мнишек — жена 1-го са-

- мозванца.
57. *Монтескье Шарль-Луи* (1689—1755) — французский политический писатель, основоположник буржуазного конституционного права. Одно из наиболее значительных произведений Монтескье — «Персидские письма» — блестящая сатира на абсолютную монархию.
58. *Морали* — турок, моряк по профессии. Жил в Одессе во время пребывания там Пушкина и подружился с ним.
59. *Муравьев Никита Михайлович* (1796 — 1843) — декабрист, автор проекта конституции, деятельный член Северного Общества. В 1826 г. сослан на каторжные работы.
60. *Муханов Александр Алексеевич* (1800—1834) — офицер, один из знакомых Пушкина.
61. *Нессельроде Карл Васильевич* (1780—1862) — граф, канцлер, с 1816 г. возглавлял ведомство

- иностранных дел. Его жена была непримиримым и активным врагом Пушкина.
62. *Новиков Николай Иванович* (1744 — 1818) — журналист, общественный деятель, основатель «Типографской компании» (1784 г.) для издания и распространения массовой литературы; редактор-издатель сатирико-публицистических журналов. В 1792 г. Новиков был арестован по обвинению в политической неблагонадежности и приговорен к 15-летнему заключению в Шлиссельбургскую крепость. В 1796 году освобожден, но активной работы уже не вел.
63. *Оленин Алексей Николаевич* — президент Академии Художеств и директор Публичной библиотеки. Его дом Пушкин часто посещал и был сильно увлечен его дочерью Анной Алексеевной.
64. *Орлова Екатерина Николаевна* (1797—1885) — старшая дочь

генерала Н. Н. Раевского. В 1821 г. вышла замуж за генерала М. Ф. Орлова (декабриста). Пушкин называл ее «женщиной необыкновенной».

65. *Осипова Александра Ивановна*, по мужу Беклешова (ум. 1864 г.)—падчерица Прасковьи Александровны. Пушкин был увлечен ею.
66. *Осипова Мария Ивановна* (1820—1895)—дочь Прасковьи Александровны от второго брака.
67. *Осипова Прасковья Александровна* (1781—1859) — владелица Тригорского. С нею и с ее семьей Пушкин всю жизнь поддерживал дружеские отношения.
68. *Павел I* (1754—1801) — сын Екатерины II, с 1796 г. всероссийский император.
69. *Паулуччи Ф. О.*, маркиз—военный генерал-губернатор.
70. *Пешуров Алексей Никитич* (1779—1849) — с 1822 г. по

1829 год Опочецкий уездный предводитель дворянства. Должен был наблюдать за сосланным в Михайловское поэтом.

71. *Пимен*—одно из действующих лиц в трагедии «Борис Годунов».
72. *Плетнев Петр Александрович* (1792—1856) — профессор, писатель, поэт и критик, с 1832 по 1849 г. ректор Петербургского университета. Один из ближайших друзей Пушкина. Начиная с 1826 г., руководил изданием большинства произведений поэта.
73. *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — профессор истории, беллетрист, критик и публицист.
74. *Пушкин Василий Львович* (1767—1830) — брат Сергея Львовича, поэт.
75. *Пушкин Лев Сергеевич* (1805—1852) — младший брат поэта, человек легкомысленный, беззаботный.

76. *Пушкин Сергей Львович* (1770—1848) — отец поэта.
77. *Пушкина Надежда Осиповна*, рожденная Ганибал (1775 — 1836) — мать поэта.
78. *Пушкина Ольга Сергеевна*, по мужу — Павлищева (1797 — 1868) — сестра поэта.
79. *Пущин Иван Иванович* (1798—1859) — декабрист, один из самых близких друзей Пушкина. Оставил о поэте живые и интересные записки.
80. *Раевские Александр Николаевич* (1795—1868) и *Николай Николаевич* (1801 — 1843) — сыновья участника войны 1812 г. генерала Раевского, друзья Пушкина.
81. *Роза Григорьевна* — экономка в Михайловском.
82. *Рокотов Иван Матвеевич* (1872—умер в 1840-х годах) — сосед Пушкиных, богатый помещик.
83. *Россини Иоахим* (1792—1868) — итальянский композитор.

84. *Рылеев Кондратий Федорович* (1795—1826) — декабрист, поэт.
85. *Семевский Михаил Иванович* — литератор. Большой интерес представляют его очерки «Прогулка в Тригорское», написанные в 1866 г.
86. *Столарев Иван Никитич* — богатый крестьянин слободы при Святогорском Успенском монастыре.
87. *Тацит* — римский историк (60—115 г. нашей эры). Пушкин читал в 1825 г. Тацита во французском издании и написал «Замечания на Анналы Тацита».
88. *Тимофеев Константин Акимович* — педагог и переводчик, посетивший могилу Пушкина в 1859 году и написавший об этом статью.
89. *Тургенев Александр Иванович* (1784 — 1845) — друг Пушкина. Принимал близкое участие в Пушкине, способствовал его определению в лицей и отвез тело поэта в Святогорский монастырь.

90. *Философовы* — богатые псковские помещики, соседи Пушкина по Михайловскому.
91. *Фуше Жозеф*, герцог Отрантский (1754—1820) — член Революционного Национального Конвента в 1792 г. При Наполеоне I — министр полиции. Мемуары Фуше были изданы в Париже в 1824 г., при чем семья Фуше заявила, что они подложны.
92. *Шелгуновы* — помещики, соседи Пушкина по Михайловскому.
93. *Шекспир Вильям* (1564 — 1616) — гениальный английский драматург. Пушкин систематически изучал Шекспира уже в 1824 году.
94. *Шкода* — священник Воронической церкви Илларион Раевский, спутник Пушкина во время прогулок по окрестностям Михайловского.
95. *Щеголев Павел Елисеевич* (1877—1931) — пушкиновед, автор ряда крупных работ (напр. «Дуэль и смерть Пушкина»).

96. *Юсупов Николай Борисович*, князь (1750 — 1831). Владея огромным состоянием, он много путешествовал, собрал прекрасную картинную галерею и библиотеку, наполнил свое подмосковное имение редчайшими произведениями искусства. Пушкинское «К вельможе» является ответом поэта на приглашение Юсупова приехать в его подмосковное имение.
97. *Языков Николай Михайлович* (1803 — 1846) — поэт. Одним из лучших его стихотворений является «Тригорское», написанное под впечатлением пребывания в нем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Усадьба двадцатых годов	3
Михайловское	13
Петровское	25
Тригорское	33
В ссылке	41
Творчество	85
Тригорские друзья	99
Ожидание свободы	129
Последние приезды в Михайлов- ское	143
Пушкинские горы	153

Ленгорлит № 907,
Время сдачи в набор 5/XII 36 г.
Количество авторск. листов 3¹/₂.
Подписано к печати 8.II 37 г.
Стат форм. бум. 72 ~~×~~ 105¹/₆₁.
Колич. бум. лист. 1¹/₂.
Общее кол. знак. на бум. л. 135000.
Заказ № 4231,
Издательский номер 15.
Тираж 15000.

1-я типография издательства Ленинградского
Облисполкома и Совета, 2-я Советская, 7.